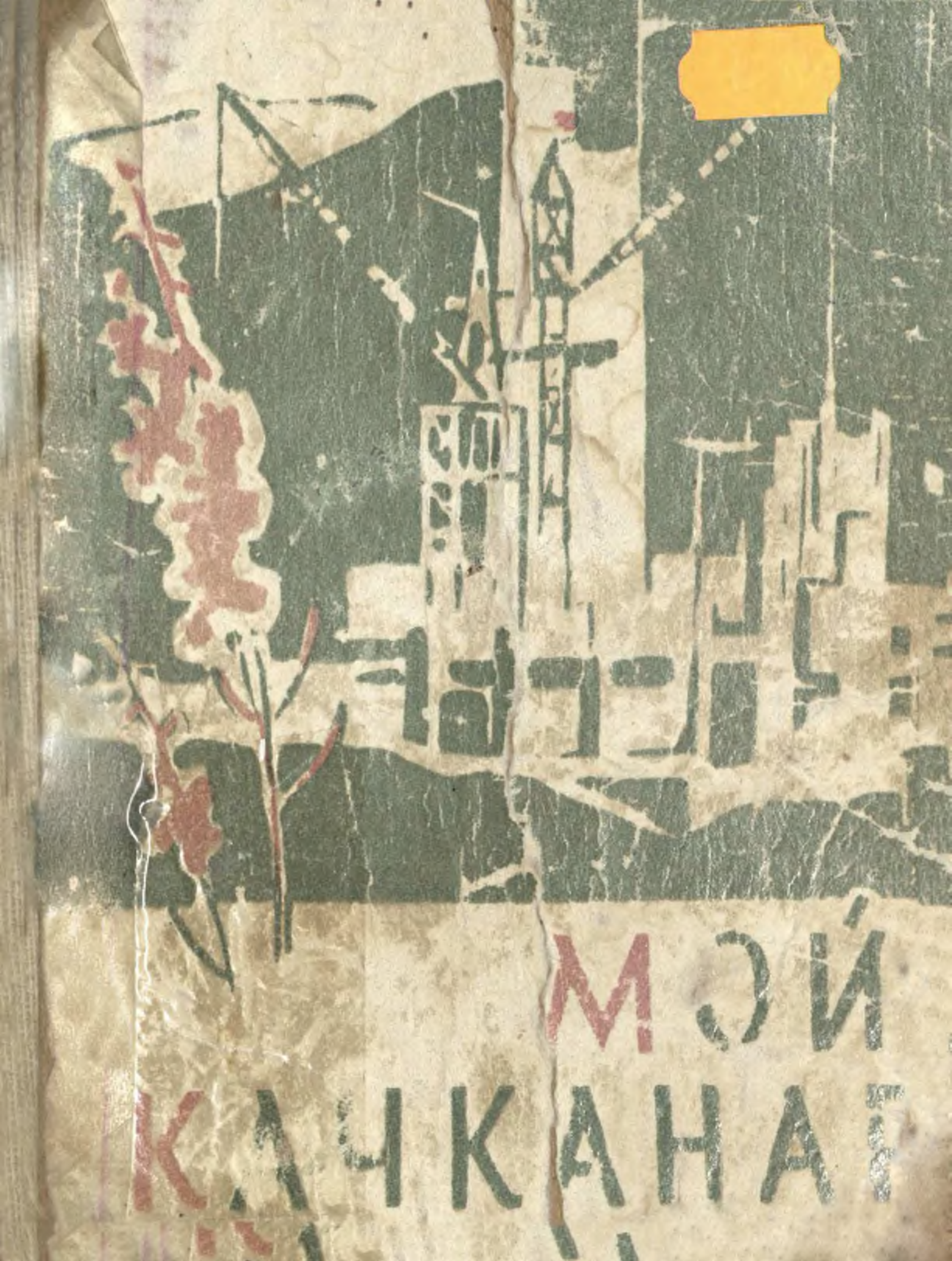
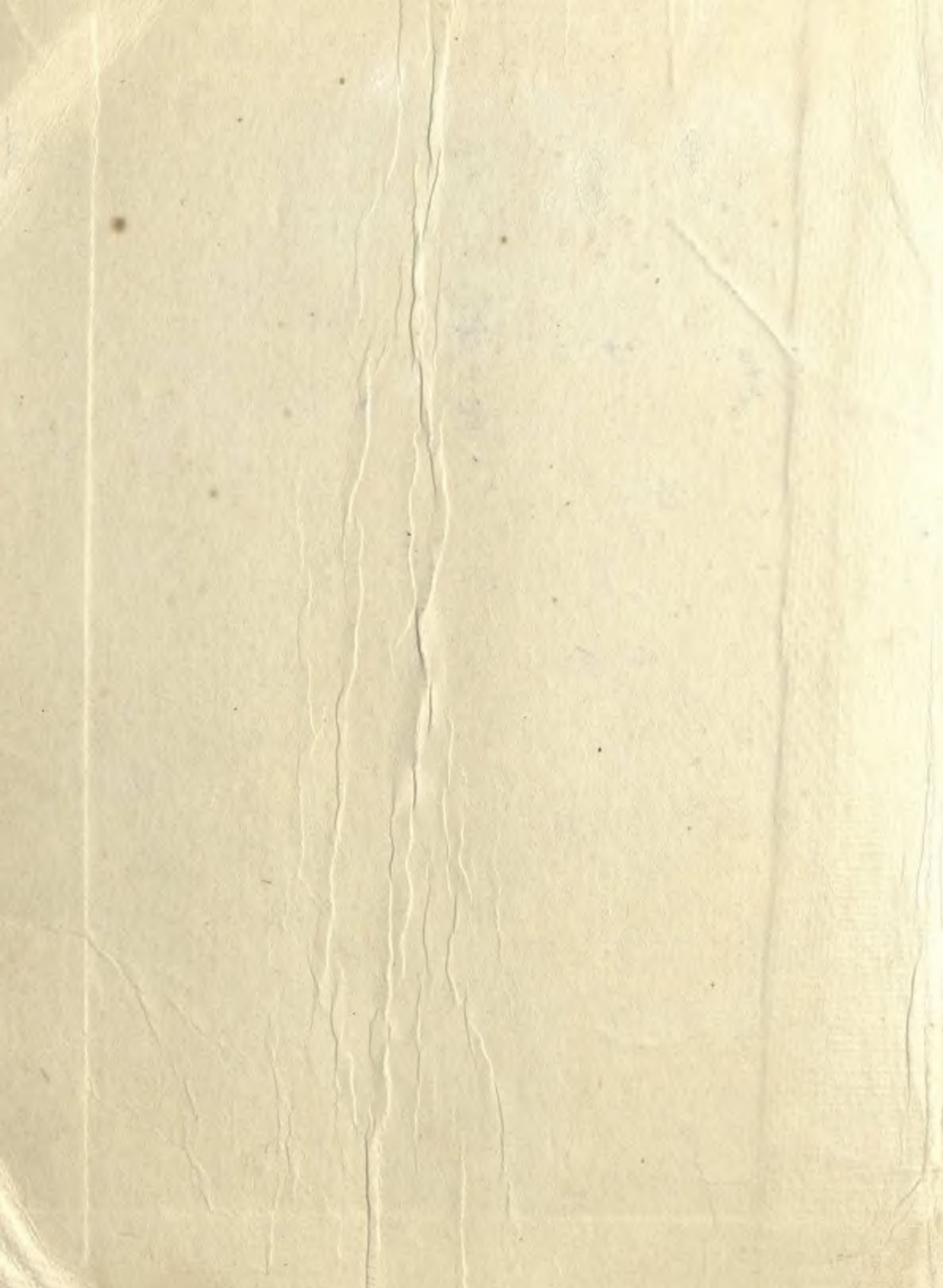

МОЙ
КАЧКАНАТ

ГОС. ЛИСТ
СРО. В. ВОЗВРАТА

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

Колич. пред. выдач

4/100 - 372	24/VI - 1433
-------------	--------------

20/7	635	22/10	745
			100

879. 24/11 18/11 922

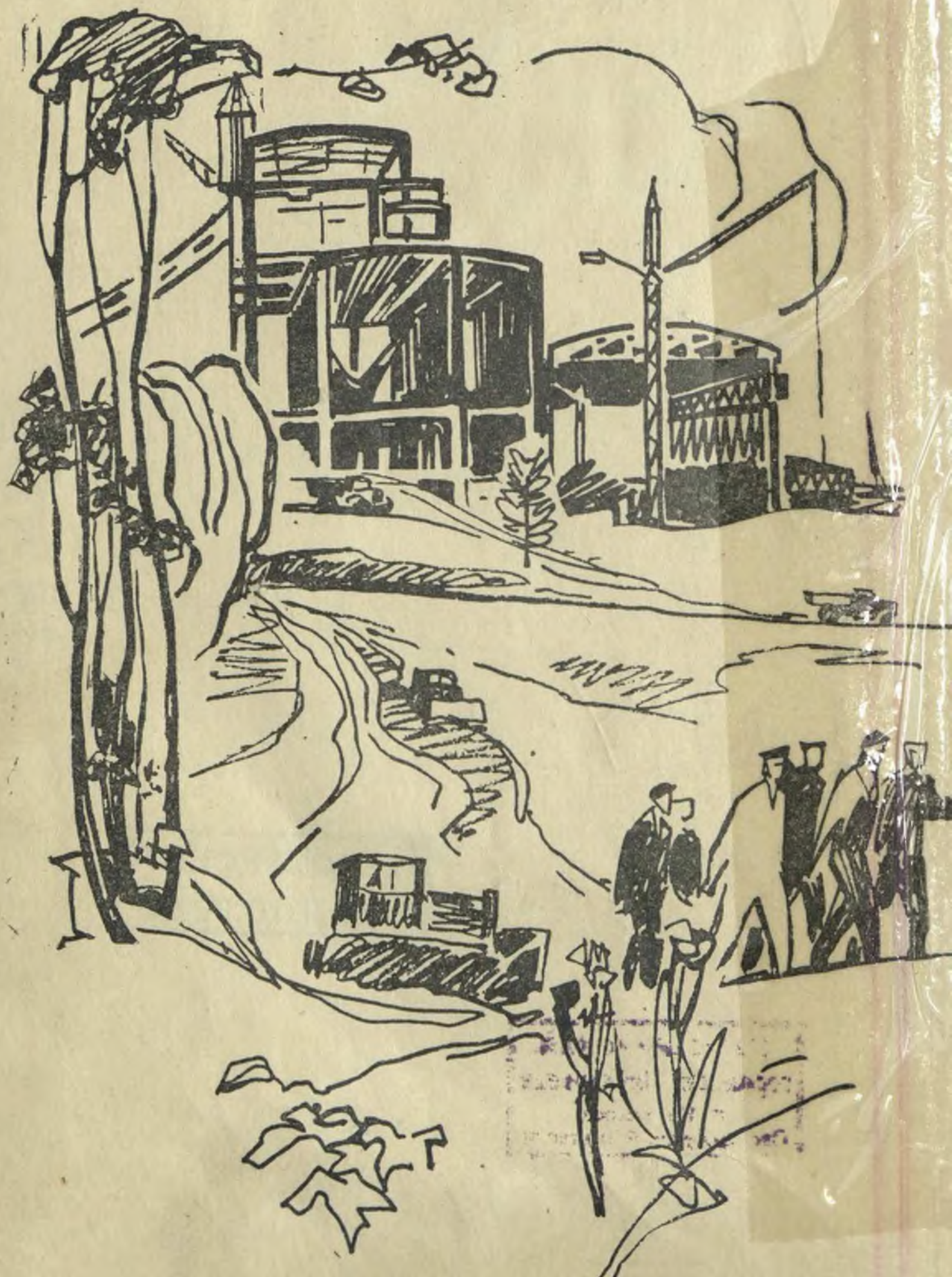
185.28/11

1162 Spring 25th 1900

141. 3/11 5/11 - 641

Зак. 2401 Тир. 40 мил. 29.1.442

Зак. 2401, Тир. 40 мил.

так рождалась легенда

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Про Качканар я узнал из письма матери. «Приезжай, сынок, домой, у нас тут город будет строиться,— писала она.— Не забыл, поди, про ту гору, куда с ребятами бегал по шишки. В ней, говорят, железа на сто лет хватит...»

Я работал тогда плотником в Башкирии. Рассчитался и поехал в свой родной поселок Косью. У нас тогда только и разговоров было, что о Качканаре. Меня встретили друзья детства.

— Тоже прикатил, Володя? Ну что ж, кому как не нам гору нашу разрабатывать.

27 мая собрались у поселкового Совета. У каждого за плечами — котомка с харчишками, за ремнем — топор и пила, по-плотнически обвитая вокруг пояса. Забрал нас прораб Иван Петрович Титов и повел через гору Качканар в поселок Валерьяновск, где разместились тогда штаб стройки.

День был серый, пасмурный, накрапывал дождь, но погода не испортила нам настроение. Длинной цепочкой растянулись по тропинке, петляющей между камней по склону горы. К полдню перевалили через Качканар и сделали привал у таежной речушки.

— Ну-ка, Володя, погляди, гвозди в подошвах целы? — шутливо спросил у меня Слава Иванов.

Он намекал на смешную историю, которая случилась с нами в детстве. Много легенд рассказывали у нас в поселке про магнитную гору. Старые люди сказывали — нельзя в обуви на нее подниматься, притянет за гвозди, и ноги не оторвешь. Вот мы и надумали раз повытаскать клещами гвозди из подошв и забить деревянные шпильки. Здорово влетело нам тогда за испорченную обувь.

«А почему же стоит нетронутой эта магнитная гора?» — думали мы тогда. И вот дошел до нее черед...

Люди стекались в тот день в Валерьяновск со всех окрестных селений. Улицы маленького, отживающего свой век старательского поселка никогда еще не видели такого скопления народа. Дома были переполнены. Многим, в том числе и нам, пришлось устраиваться на ночлег под открытым небом. Запылали костры. Я наломал себе веток под бок и лег, укрывшись с головой ватником.

Утром 27 мая возле школы собрались на короткий митинг. Это был самый короткий митинг, на котором я когда-либо присутствовал.

— Ребята, — сказал Семен Степанович Мальцев, начальник строительного управления. — Там, на склоне вон той горы, будет комбинат. Наша задача прорубить туда дорогу. У кого есть инструмент, отходите направо, у кого нет — налево.

— А нам что делать? — недовольно зашумели те, кто пришел без топоров и пил. — Домой возвращаться?

— Ищите у местных жителей!

Мы разбились на бригады и пошли в тайгу. Она встретила нас настороженной тишиной. Не слышно

102/67991
было ни гомона птиц, ни шороха листвы. Тишина...
Иван Петрович Титов, прораб, показал нам делянку.

— Вот ваш пикет,— сказал он.

Я полез в карман за папиросами. Закурили.
И вдруг неподалеку раздался удар топора.

— Ребята, взгляните на часы! — слышался веселый возглас Толи Торопицина. — Этот миг войдет в историю!

С треском упала первая сосенка. Я поглядел на часы. Было ровно десять. 27 мая, десять часов утра, 1957 год.

Работали до тех пор, пока не село солнце. Потом построили из веток шалаш, приготовили ужин, поели и долго сидели у костра. Одолевали комары.

33502

6 мей
— Ну и жалят! — звонко шлепнул себя по ноге Слава Иванов, сушивший портянки.

— А ты вот рукавицы-то на ноги натяни! — посоветовал ему кто-то из ребят.

— А ведь это идея! — восторженно воскликнул Слава.

Рукавицы, которые нам выдали утром, были такие длинные, что их с успехом можно было использовать вместо чулок.

— Чудесные мокасины! — восторгался Слава, прищипывая ногой.

Часто потом в этих «мокасинах» мы отплясывали у костра, когда сушились наши сапоги.

Спать никому не хотелось. Вспоминали свой дом, мягкие постели, уют. Володя Болдырев вынырнул из темноты с большой охапкой валежника.

— Нашли что вспоминать! — сказал он. — Деревенские хаты. Вот построим город, какие еще квартиры у нас будут. Водопровод, газ, ванна, душ... Помните, у Маяковского: «Дождик из душа потрепет за уши... Пол стелется, извините за выражение, пробковым матом...»

А мы смотрели на горы, контуры которых чуть угадывались в темноте, и как-то даже не верилось, что в этой таежной глуши поднимется скоро комбинат, равного которому нет в мире, вырастет большой, красивый город...

Я слушал Славку, и мне вспоминались стихи о молодом городе:

...Он встанет здесь,
Зажжет огни,
Стальные разбросает ветки,
Сюда стремительные дни
Придут по рельсам семилетки!

С каждым днем прибывали к нам новые люди. Однажды утром к костру подошли две девушки из поселка Валерьяновского — Люся и Нина Приходько.

— Возьмите нас в свою бригаду, ребята.

— А что вы умеете делать? — спросили мы.

— Сучья рубить будем, — говорят они. — Хворост относить...

Мы переглянулись. Девчата, вроде бы, не неженки...

— Возьмем, пожалуй, — отвечает за всех Володя Болдырев, — если молока будете нам по бидону носить.

Девчата засмеялись.

— Условия принимаются.

Нина и Люся работали хорошо. Дома им, видимо, приходилось держать топор в руках. Быстро обрубали сучья, складывали в кучу и тут же сжигали.

Борис Казанцев, мой школьный приятель, как-то пожаловался на головную боль.

— Что-то, ребята, у меня лес кругом идет, — сказал он, пошатываясь. Мы предложили ему пойти домой и отдохнуть. Он ушел и... вернулся только через месяц. Как мы потом узнали, его укусил энцефалитный клещ. Бориса положили в больницу.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Василий Лобастов предложил перекочевать на новое местожительство к берегу речки Выи. Бригада Саши Загвоздкина тоже присоединилась к нам. Общими усилиями мы построили большой шалаш. Только расположились на ночлег, как из-за горы Качканар выползла большая черная туча. Звонко зашлепа-

ли по воде первые капли дождя. Зашуршали по еловым веткам шалаша. Сверкнула молния, полоснув огненной стрелой по черному небу. Застонали верхушки деревьев.

Вдруг под нами будто раскололась земля. Загрохотал гром, и на шалаш рухнула обломившаяся верхушка сосны. Нам показалось, словно чья-то огромная лапа приплюснула нас к земле. Испуганно взвизгнули девчонки. Мы выскочили из завалившегося шалаша и кинулись врассыпную. А дождь хлещет, как из ведра. Укрыться негде. Темень. Кое-как подремонтировали свое жилище и, мокрые до нитки, опять забились в шалаш, стуча зубами от холода.

— Вот она, романтика,— процедил сквозь зубы Рудольф Рагозин.— Что нам,obeliski из бронзы за это отольют?

Мы молчали.

— Завтра же домой смотаюсь,— ныл он.

— Ну и скатертью дорога! — раздраженно кинул Володя Болдырев.— Качканар мы и без тебя построим.

— А еще трепался: «Не уйдем, пока комбинат не построим!» — зло сказал я.— Вон девчата и то молчат, а ты раскис!

Володя с вызовом запел:

Не надо нам, братцы, покоя
Уютных, удобных квартир,
Хотим совершить мы такое,
Чему удивится весь мир,—

дружно подхватили мы под шум дождя и вой ветра.

Не спали всю ночь, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Дождь лил до рассвета. Но утро

выдалось теплое, солнечное, и мы сразу забыли все горести бессонной ночи.

Рагозин собрал свои вещички и ушел, не сказав никому ни слова.

ПАЛАТОЧНЫЙ ГОРОДОК

В начале июня в районе будущей плотины забелели палатки. Они нам показались, по сравнению с нашими шалашами, раем. Теперь нам уже не страшен был дождь. Вот если бы еще от комаров отделаться, тогда и вовсе было бы хорошо.

Меня вызвал мастер.

— Давай-ка, Володя, принимай бригаду, — сказал он. — Народ прибывает, а ты уже таежные курсы прошел.

И я стал бригадиром лесорубов. Дали мне десять человек — семерых ребят и трех девушек. Начали мы счищать площадь для водохранилища. Мастер нам рассказал, что долину между двух гор пересечет плотина высотой в сорок метров. Маленькая горная речушка Выя разольется на десятки километров и там, где мы сейчас рубим лес, будет качканарское море. Приятно было сознавать, что мы здесь первые. Мы проложили дорогу на Качканар, мы проложим путь гидростроителям.

Лес в долине был крупный. Ели в два обхвата. А по склонам гор мелкий сосняк. Так за день намахаешься, что к вечеру еле ноги волочишь. На что уж я человек вроде крепкий, с детства к труду привычный, и то сильно уставал. Пилили вручную. В первое время никаких механизмов у нас не было. Да и подвезти-то их было нельзя. Ребята шутили, берясь за ручки пилы:

— Включай механизацию «мне-тебе, мне-тебе!»

В субботу разъезжались по поселкам. Помыться в бане, пополнить запасы провизии, отдохнуть. Ребятишки нас встречали восторженными криками:

— Качканарцы едут! Качканарцы!

Уже одно это заставляло забыть все невзгоды лесной жизни.

ОГНИ НА ГОРЕ

В августе 1957 года начали строить первые дома. По дороге, которую мы проложили, из Туры потоком шли автомашины со строительными материалами. Наша бригада была направлена тоже на строительство поселка. Первую улицу решили назвать Октябрьской, вторую — по имени будущего города — Качканарской.

В День строителя мы гуляли по улице, на которой уже стояли четыре дома. На березе висел мощный громкоговоритель. Парни и девушки танцевали под радиолу. Тайга уже не казалась нам такой дикой, как раньше.

— Ребята, магазин приехал! — крикнул нам Ваня Лашко.

Возле палаток остановилась автолавка. Мы все

обзавелись обновками. Приезжаем в Косью, у нас спрашивают:

— Где купили?

— В Качканаре! — отвечаем.

Нам не верят.

— Что у вас там на горе уже магазин?

— Да что — магазин! — говорили мы. — Скоро новоселья будем справлять!

В начале декабря постройком выдал первые ордера. Было сдано восемь шестнадцатиквартирных домов с паровым отоплением.

Два дома готовились под общежитие, но приехали семейные с детьми.

— Поживем, ребята, еще в палатках, — предложил Ваня Лашко. — Не мерзнуть же детишкам.

Заложили новую улицу — улицу Мира. Ведущей профессией тогда была у нас профессия плотника. Приходили новички к прорабу.

— Пойдете в плотники, — назначал он.

— Да какие мы плотники, — говорили ребята. — Я шофер.

— А я тракторист...

— Ничего, через три дня будете плотниками.

— У нас же специальность.

— Придут машины, сядете за руль. А сейчас — дома надо строить.

Пошлешь такого «плотника» на склад за топором, а он топорище не тем концом насадит. Но проходит неделя, вторая, и новичок уже бойко орудует топором.

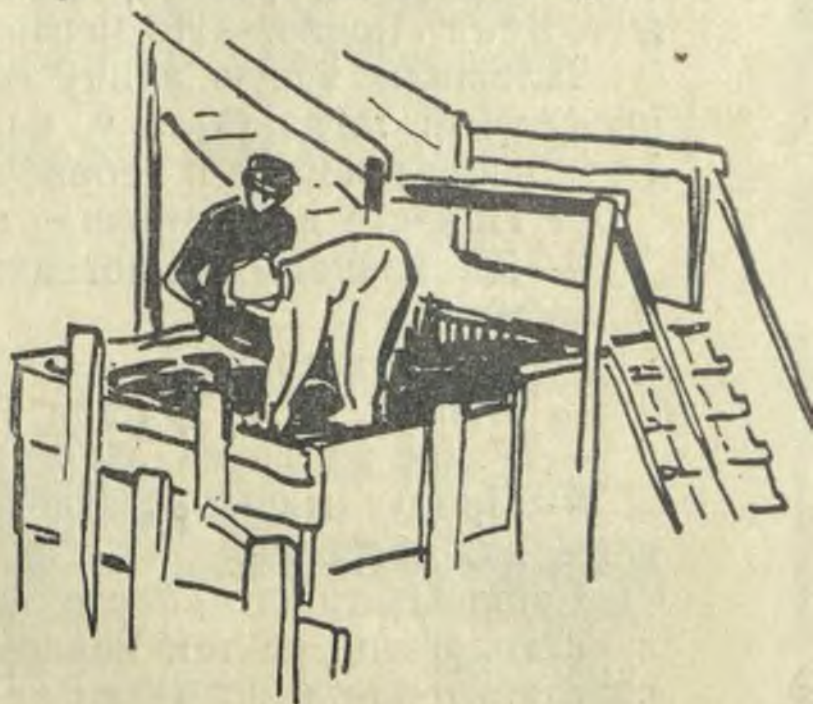

Сколько людей перебивало у меня в бригаде! Больше ста человек, пожалуй, наберется. Многие стали хорошими плотниками, сами теперь руководят комплексными бригадами. Александр Васильевич Мурашов награжден орденом Трудового Красного Знамени. А вторая его награда — значок отличника социалистического соревнования РСФСР. Бригадира Николая Васильева выбрали в областной Совет депутатов трудящихся. Василий Лобастов стал компрессорщиком. Многие ребята учатся заочно в техникумах и институтах, получают специальности в учебном комбинате.

Одна за другой растут улицы в Качканаре. Все шире россыпь огней на горе. Посмотришь вечером на поселок, и как-то даже самому не верится, что все это построили мы своими руками. Там, где мы когда-то прямо в лесу смотрели первый фильм, расположившись на траве, сейчас выросло здание кинотеатра «Юность».

На моем счету уже двадцать семь жилых домов. И когда я вижу, как жильцы въезжают в новый дом, душа радуется. Недаром девушки у нас любят распевать песенку:

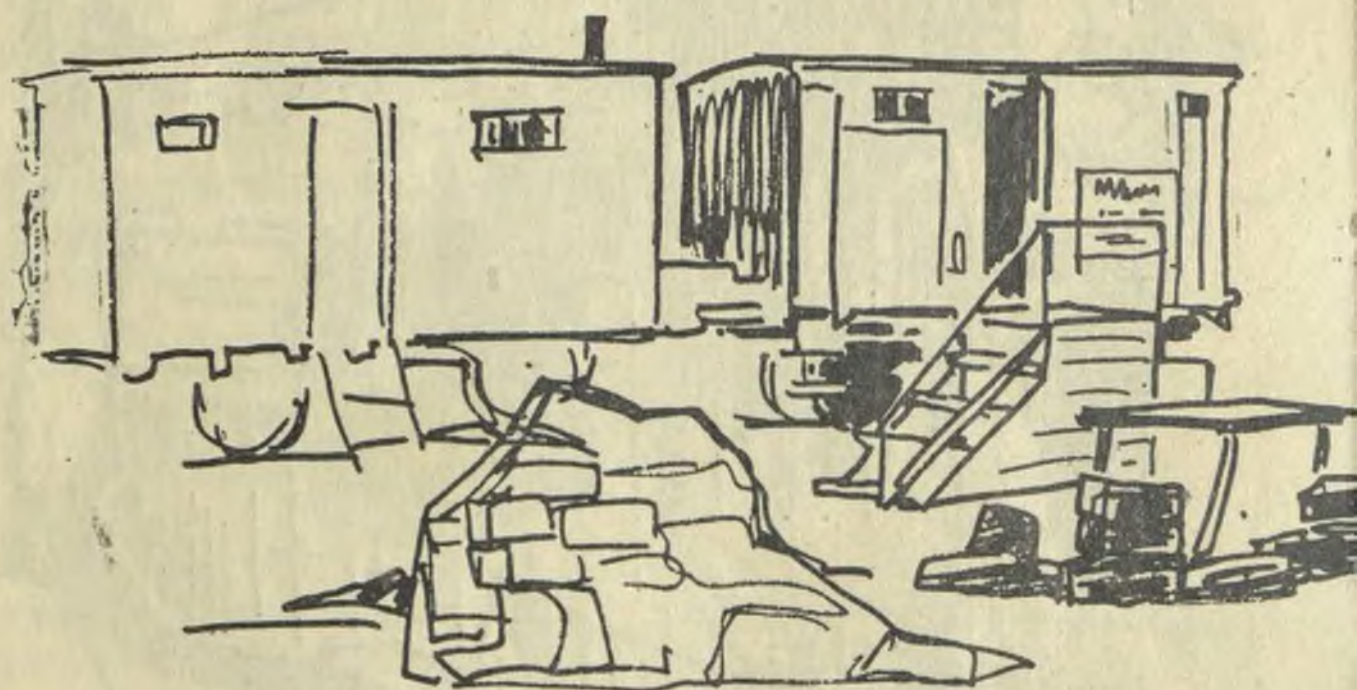
Скоро в окнах дома нового
Огоньки зажгутся весело.
Сколько людям дарит
радостей
Наша мирная профессия.

сеченіє

Много легенд ходило в народе о горе Качканар. Теперь рассказывают еще одну — легенду о покорителях Качканара, о нас, строителях.

дорога на качканар

ИЗ ДНЕВНИКА САШИ БОГДАНОВА

10 июня 1957 года. На трассу железной дороги Азиатская — Качканар я приехал с моим старым другом Сашей Платоновым. Мы не разлучались с ним с детства.

— Специальность? — спрашивает у нас начальник строительного поезда.

— Плотник, столяр, — отвечаю.

Сашка молчит. У него нет профессии. Начальник не придает этому особого значения. Видимо, специальности его мало интересуют. Он внимательно оглядывает нас, усмехается. Богатырским телосложением мы не блещем.

— В тайгу пойдете?

— Мы в тайгу и приехали, — отвечает Сашка.

В паспортах у нас появляется штамп: «Принят 10 июня 1957 г., строительно-монтажный поезд № 18».

Идем на склад получать снаряжение. Нам выдают на матрацники, простыни, одеяла и резиновые сапоги.

— А подушка в лесу не обязательна, — наставляет кладовщица. — Чего вам с ней таскаться? Набейте наволочку мхом или травой и спите как на лебяжьем пуху.

И вот мы отправляемся на трассу. Нам нужен 65-й пикет. До него километров шесть.

Просека тянулась по болоту. Вечерело. Мы затопились. Стал накрапывать дождь. Никогда я не думал, что шесть километров могут быть такими длинными. Сашка сперва напевал что-то, а тут враз скис.

— Давай переобуемся.

Сели на пеньки, вынимаем из матрацной наволочки сапоги.

— Слушай, тетка, мой сапог не у тебя? — спрашивает Сашка.

Он растерянно вертит в руках сапоги — они на одну ногу.

— Ну и таежники! — хохотали ребята, когда мы рассказали им о случившемся.

Так мы стали строителями.

14 июня 1957 года. Наш бригадир Виктор Циканов позвал Петю Осипова и сказал: «Бери лошадь и езжай в Вагановку. Примешь новое пополнение».

— Будет сделано! — весело ответил Осипов, обрадовавшись случаю побывать на станции.

На следующий день под вечер мы наблюдали следующую уморительную картину. Впереди на лошади, увешанной узлами, чемоданами, рюкзаками, гордо восседал Петр. За ним растянулось на добрый километр наше новое пополнение, человек двадцать девчат и ребят.

— Пионеров на экскурсию привел! — острил Сашка. Ребята и девчата, как нарочно, оказались маленького роста, а на ногах сапоги «сорок последнего размера» с широкими голенищами.

Подъехав к Циканову, Петр по-военному отрапортовал:

— Пополнение прибыло! Потерь в дороге нет! — и хитро подмигнул бригадиру. — Смотри, каких орлов я привел!

Мы хохотали. «Орлы» не обиделись и тоже смеялись. Ребята накормили новичков обедом, а Виктор Циканов произнес речь. Он рассказал, какую дорогу мы строим и зачем она нужна Качканару.

16 июня 1957 года. Новички осваиваются, привыкают к тайге.

Сегодня с моим другом Сашкой случилась беда. Валили ель, он не успел отбежать, и ветки хлестнули его по ногам. Мы хотели увезти Сашку в больницу, но он наотрез отказался:

— Отлежусь.

Вечером Сашка рассказал, что в гости к нему приходили новички, расспрашивали о работе.

— Любопытный народ, — отозвался о них друг. — Узнали, почему я лежу, и глядят на меня со страхом. Потеха!

Веселее стало в нашем лагере. Вечером у костра мы распеваем песни. Голосистые девчата в новом пополнении!

1 июля 1957 года. За хлебом ходим в соседний леспромхоз.. До него километров десять. Дороги нет. Пробираешься по болотам и чащобе. Появится наш «заготовитель» в поселке, с него глаз не сводят. Оборванный, бородатый, черный от загара. Подойдет к прилавку, развернет полосатую матрацную наволочку и заказывает:

— Двадцать черного, пять белого, десять батон-
нов...

Продавцы ахают.

Попадешь с таким мешочком под дождь и принесешь в палатку хлебную кашу. Сушим на солнышке.

Здесь я впервые узнал настоящую цену хлеба.

С «заготовителями» иногда случались разные казусы. Коля Кузнеченков вернулся однажды без мешка и хлеба. В поселке его задержал милиционер и попросил предъявить документы.

— Чего это у тебя глаза бегают?

Кузнеченков перемахнул через плетень и пустился наутек.

Мы отругали Николая.

— Ну чего вы, ребята. Документов у меня не было. Ну и жди, пока выяснят. А мне дорогу строить надо.

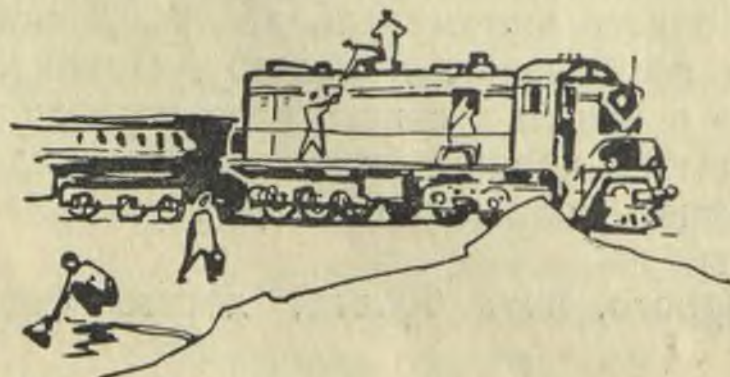
15 июля 1957 года. На пикет приехал начальник строительно-монтажного поезда. Он объявил благодарность всем строителям и выдал премии.

— Молодцы! Герои!

Ну, какие мы герои? Работаем, дорогу строим...

* * *

Александр Богданов, автор этого дневника, работает сейчас бригадиром путеукладчиков. Он женился на Римме Смирновой, с которой работал вместе в тайге. У них растет дочь.

первый гудок

Бригадир путеукладчиков Виктор Циканов повез новичков на трассу строительства железной дороги. Просека, как глубокий зеленый ров, прорезала тайгу. Бсюду с лязгом и скрежетом ворочали, кромсали и утюжили землю машины.

Новички, десятиклассники из Ивановской области, ошеломленно поглядывали по сторонам.

— Бульдозер! Скрепер! — представлял ребятам машины Виктор таким тоном, каким представляют на манеже цирка артистов с громкими именами. — А вот этот крот — грейдер-элеватор! Один за двести землекопов справляется!

«Крот» — неказистая с виду машина, полз у края канавы, вгрызался в землю стальными зубами и по транспортеру выбрасывал ее на высокую насыпь. А там, урча, катились один за другим тяжелые катки. Спрессованный песок тускло поблескивал на солнце.

За катками шел путеукладчик, похожий на длинноносого черного жука. Во всех действиях его чувствовались необычайная сила и величие. Жук неторопливо стягивал с платформы тяжелые массивные лестницы-рельсы с прикрепленными к ним шпалами и осторожно опускал их могучим хоботом

на земляное полотно. Положит, как бы полюбуется с минуту, шагнет по ним на двенадцать с половиной метров, другое звено положит... И тянется, тянется за ним рельсовый путь.

— Здорово! — восторженно вырвалось у Алеши Маркова.

Ребята несколько минут молча любовались слаженной работой машин.

— А мы, хлопцы, пойдем первыми по трассе, — сказал Виктор. — И вся наша техника — пила да топор. Будем просеку рубить. А вслед за нами вот эти машины двинутся.

Утром строительно-монтажный поезд снаряжал десант лесорубов. Единственным транспортом отряда была лошадь. Ездовым назначили Борю Легошина, как человека имевшего дело с тягловой силой. В недалеком детстве он возил на волокушах сено и гонял табуны в ночное.

— Я думал меня на экскаватор посадят, а тут конягу всучили! — ворчал он, но в душе был польщен этим назначением.

Пробирались по узким лесным тропам. Часто приходилось браться за топоры, чтобы расчистить путь повозке.

Горячий сумрак леса. Духота. Комары. От елок идет такой острый запах, будто их в кипятке распарили. Над головой сомкнули лапы могучие кедры. Сучья и голые ветки зло цепляются за штаны, царапают руки, лицо.

Вечером забрели в болото. Под ногами зачавкала мутная жижа. Все чаще и чаще начали попадаться травянистые кочки, похожие на большие зеленые папки. Между кочками тускло блестела ржавая вода.

Валя Белова оступилась и плюхнулась в болотную грязь. Подруги помогли ей подняться.

— Ой, как тут плохо-то-о! — по-ивановски нажимая на «о», протянула она, отряхиваясь.

И настолько уморительный вид был у нее в эту минуту, что ребята расхохотались.

С этого дня Валина фраза была взята на вооружение. Что бы у кого ни случилось — порвался капрон, подгорела каша, сорвало ветром палатку, пострадавшие с кислой миной тянули под общий хохот:

— Ой, как тут плохо-то-о!

Палатку десантники разбили на таежной опушке, заросшей высокой, чуть не в рост человека, травой. Валю Белову назначили поварихой. Утром наточили топоры, пилы и вышли к колышку геодезистов.

Тайга стояла стеной. Хмурая, неприступная. И рядом с деревьями-великанами новички почувствовали себя настолько беспомощными, что с минуту никто не решался вонзить топор в первый кедр, открывавший путь к просеке.

Нелегко было столкнуть его с ног. Пила вязла в смолистых волокнах. И даже, когда дерево срезали, кедр только пошатнулся, застонал, но не упал на землю — повис на плечах товарища...

— Ничего, хлопцы, сейчас мы их разлучим! — сказал Виктор Циканов, вынимая топор из-за пояса.

Горели ладони, ныла спина. К вечеру выматывались до того, что никому не хотелось дожидаться ужина, к немалому огорчению Вали Беловой, у которой проявились недюжинные кулинарные способности. Но не так-то легко было отделаться от заботливого

повара. Она упрямо тормозила сморенных усталостью ребят и не отступала до тех пор, пока каждый из них не опорожнял тарелку.

А с продуктами было туговато. Первый запас быстро иссяк. База далеко. Да и пробраться к ней трудно. Бездорожье. Завхоз отряда Толя Марыков не мог пробиться к строительно-монтажному поезду. Своенравная горная речушка, которую несколько дней тому назад переходили вброд, вдруг так разлилась, что к ней страшно было подступиться. А Толя знал, что Валя подчистила последние кульки...

До позднего вечера блуждал Марыков по тайге, пытаясь перебраться на другой берег. И уже ночью набрел на маленькую таежную деревушку старателей...

Домой завхоз возвратился сияющий.

— Ребята, медвежатины привез!

Промявшись на работе, лесорубы с аппетитом набросились на жаркое. Валя едва успевала наполнять тарелки. У котла выстроилась очередь. Многие просили добавки. Compliments повару и завхозу сыпались со всех сторон.

...Через месяц новичков трудно было узнать. Ребята стали настоящими таежниками. Все заметно возмужали, окрепли, загорели. А кое-кто даже для солидности отпустил бородку и усы. Теперь уже и в помине не было той усталости, которая валила их с ног в первые дни работы.

Все дальше и дальше уходила в глубь тайги просека. Комсорг лесорубов, Алеша Марков, даже уверял, что, забравшись на кедр за шишками, он собственными глазами увидел оттуда гору Качканар.

А Геннадий Великолепов под впечатлением этой волнующей новости, написал стихи, в которых были такие строки:

Скоро перестанут зваться далью
Эти глухоманные места,
И по молодежной магистрали
Стрелами помчатся поезда!

Вечерами собирались у костра, пели песни под гитару, танцевали, читали стихи. В один из таких вечеров родилась в отряде песня, посвященная повару Вале Беловой:

Черный камень.
Желтая луна.
Кружит птица.
На поляне девушка одна.
Ей не спится.
Двадцать лет от мамы ни на шаг.
Первый поиск.
Первый раз, сомненья отреша,
Села в поезд.
И не знала эту сторону,
Землю эту.
Черный камень,
Желтую луну
Над планетой.

Незаметно подкралась осень. Зашуршали под ногами листья берез. В темной зелени тайги запламенили кусты лесной рябины. Издали они казались шляпками медных гвоздей, вбитых в зеленый ворсистый ковер, чтобы он не сполз с гор.

По просеке, которую проложили ребята, загрохотали бульдозеры, экскаваторы. Лесорубы сдали на склад пилы и топоры, вооружились тяжелыми молотками. Началась укладка пути.

На станции Азиатская уже скопились горы строительных материалов, ящики с оборудованием, машины, станки... Они позарез были нужны качканарцам. Строители молодого города находились в положении армии, которая далеко продвинулась вперед, с ходу завладела плацдармом, но оказалась отрезанной от баз снабжения.

— Дорогу, дорогу скорее давайте! — требовали качканарцы.

А осень безжалостно коверкала все планы и графики путеукладчиков. Дождь и дождь без конца. Шпалы вместе с рельсами тонули в раскисшей насыпи даже под колесами легкого мотовоза. Путь горбился, выгибался...

Вот он, совсем уже рядом Качканар. Каких-нибудь три километра осталось. Но как до него добраться?!

Однажды вечером, когда промокшие до нитки, с ног до головы испачканные глиной, путеукладчики возвращались в свои вагоны, их встретили ребята из комсомольского штаба стройки. Не успели поздороваться, как с линии прибежал мастер.

— Паровоз завалился!

Он вез звенья пути в голову укладки. И не довез... Если не поднять сейчас — простоят ночная смена. Еще семь часов вылетит из графика...

— Пошли, ребята, — тихо сказал Виктор Циканов.

Все молча повернули к линии, смутно черневшей сквозь пелену дождя. Когда стали подходить к паро-

возу, вдруг повалил снег. Тяжелые влажные хлопья слепили глаза, набивались под воротники курток. Холодная вода потекла по спине. Шли не разговаривая, хлюпая сапогами по грязи.

— Ох, как здесь плохо-то-о! — неожиданно протянул Лева Бадягин.

— Да куда хуже-то! — мрачно пробурчал Алеша Сайфулин.

Эта шутка, как всегда, всколыхнула ребят.

С паровозом провозились до полночи, булькаясь в грязи, подсовывали шпалы под колеса и, когда наконец поставили его на рельсы, вспомнили про гостей. Качканарцы были тут же, рядом, и теперь тоже ничем не отличались от путейцев. Даже выбившиеся из-под шапок волосы были в глине.

— С чем пришли, хлопцы? — спросил Виктор Циканов.

— Да утром уж поговорим, — ответил один из качканарцев.

К утру похолодало. Захрустел под ногами ледок. Наступала уральская зима с метелями и буранами. Вот поэтому и пришли к путейцам ребята из комсомольского штаба. Первые качканарцы жили в палатках. Многие приехали с семьями. А дефицитные строительные материалы, которых не найдешь в тайге и без которых не построишь дом городского типа, лежали на станции Азиатская.

— Передайте своим, через три дня будет дорога, — заверили гостей путеукладчики.

В эти три дня никто не ложился спать. Дремали урывками, прямо на шпалах, когда возникали перемены в подвозке звеньев. Последний костыль забили ранним утром седьмого октября.

— И даже не встретили!— отложив молоток, огорченно сказал Дима Рудов.

— А ты думал, с музыкой тебя встречать будут?— улыбнулся Виктор Циканов, растирая затекшую спину.— Рановато, брат. Вот когда первый эшелон с рудой выдадим, тогда и оркестры загремят.

Не встретили путеукладчиков потому, что никто не ожидал их так рано.

— Не горюй, Димка, будут и оркестры,— шутливо толкнул приятеля под бок Алеша Сайфулин.

Прислушиваясь к разговору ребят, из кабины высунулся машинист парового крана. На чумазом лице его сверкнула плутоватая улыбка. Он скрылся на минуту, и вот над тайгой поплыл густой басовитый гудок. Машинист выпрыгнул к ребятам.

— Рельс подвесил!— сказал он.— Теперь реветь будет, пока весь пар не кончится!

В Качканаре из домов и палаток выбегали люди.

— Дорога, дорога пришла!

А те, кто проложил эту дорогу, мчались на мотовозе в свой городок на колесах и, устало привалившись к бортам платформы, слушали победный рев гудка...

«Наша стройка стала рабочим университетом. Растут корпуса комбината, растет город, растут люди. Юноши и девушки, приехавшие к нам прямо со школьной скамьи, стали квалифицированными рабочими-бетонщиками, арматурищиками, бульдозеристами, экскаваторщиками, шоферами, машинистами башенных кранов.»

Виктор Циканов пришел на стройку мастером, закончил техникум. В строительно-монтажном управлении треста «Урал-спецстрой» не хватало технических кадров. Комсомолец Циканов стал совмещать обязанности бригадира и мастера, подготовил замену, работал мастером, а сейчас он выдвинут на должность прораба. Его участок один из передовых в управлении.

Борис Легошин на строительстве дороги работал ездовым. Сейчас он мастер. Владимир Моисеев начал свой трудовой путь на строительстве комбината бригадиром комплексной бригады бетонщиков. Сейчас он прораб, активный общественник. Коммунисты оказали ему доверие, избрав членом парткома. Теперь он и член Свердловского промышленного обкома КПСС.

Алексей Соловьев прибыл к нам из армии. Стал бригадиром слесарей-монтажников. Как руководителя передовой бригады, активного комсомольца, областная комсомольская конференция избрала его делегатом на XIV съезд ВЛКСМ...»

(Из доклада секретаря комитета комсомола стройки.)

александру ромашкину

У вьюги — крутые замашки:
Беснуется, бьется у фар.
Ведет Александр Ромашкин
Свой ЗИЛ на родной Качканар.
Известна дорога,

как строки

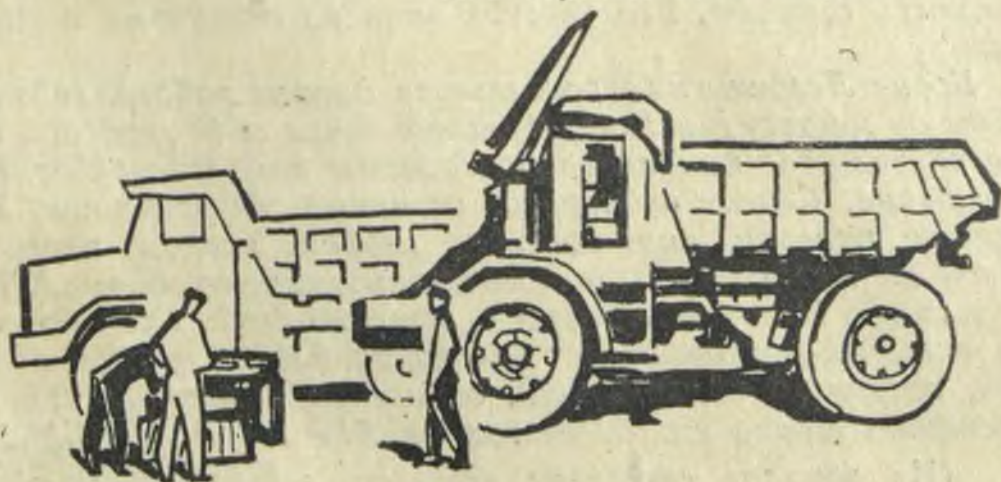
Любимых стихов,
Наизусть.

По гулким артериям стройки
Доставит он вовремя груз.
Спокойным, внимательным взглядом
Следит он за лентой пути.
Любимой хрустальную

вазу

Ему б я доверил везти.

*Из многотиражной газеты
«На стройке Качканара».*

я кладу бетон

— Бетонщик у нас — это, если хочешь знать, жонглер, эквилибрист, верхолаз...

Я смотрю на бригадира и никак не могу понять, шутит он или говорит серьезно.

— Не веришь?

Он хватает меня за рукав и тянет к шаткой лестнице, сколоченной из досок. Я едва успеваю за ним. Спускаемся на первый этаж. Бригадир не бежит, а будто катится, как колобок, по ступенькам. Он маленький, энергичный, порывистый, черный. И фамилия у него Черных. На нем до смешного рваная телогрейка, из которой клочьями торчит вата, голенища сапог, как у всех коротконогих, подвернуты, руки в ссадинах.

— Бери баклушку! — кивает он мне на кучу чурок. — Кидай вон тому, в мохнатой шапке.

Над головами у нас подвешены на железных хомутах деревянные брусья. На брусьях покачиваются ребята, равняя их по проволоке, натянутой от стены до стены. Подкладывают под них вот эти самые «баклушки» и забивают клинья. Это — подвесная опалубка, посуда для бетона.

Я беру чурку. Она довольно увесистая. А до Мохнатой шапки метров десять.

Выбираю позицию. Чурка должна влететь в полуметровый проем между двумя брусьями.

«Раз, два,— покачивая ее, мысленно командуя себе, прицеливаясь,— три!»

Бросаю. Чурка летит вверх, попадает в брус и падает мне на голову. Я шарахаюсь в сторону. Бригадир хохочет.

— Ну, какой из тебя жонглер? А если тебя туда посадить, как петушка на жердочку?!

Я молчу.

— Севрюкова!— зовет бригадир.

К нам подходит одна из девушек, пиливших неподалеку эти самые баклушки. Высокая, румяная, с симпатичными ямочками на пухлых щеках. Пряча улыбку, она поднимает мою чурку и одним махом ловко швыряет ее вверх. Мохнатая шапка протягивает руку и, когда чурка на миг зависает в воздухе, легко подхватывает ее.

— Видал?— с ехидцей осведомляется бригадир.

Молчу.

— Ты по буму в школе ходил? — интересуется он.

— Ходил.

— И не падал?

— Почти.

— «Почти!»— передразнивает он меня.— А у нас всякое «почти» исключается. Понял?

Поднимаемся опять наверх. Перед нами на массивных балках лежат железные брусья шириной в два пальца. На них висит опалубка, большой деревянный ящик, в который ляжет бетон. Глубина этого ящика — метра два.

— Шагай!— рукой показывает мне направление бригадир.

Я ступаю на брус. Он пружинит, прогибаясь, меня заносит то в одну, то в другую сторону. Балансирую руками, чтобы не упасть.

— Э-э, нет, руки у тебя будут заняты!— раздаётся у меня за спиной.— И досок внизу не будет. Если сорвешься, пролетишь десять метров. Не очень высоко, но вполне достаточно, чтобы умереть во цвете лет.

Стою на балке и жду решения бригадира. Без работы я, конечно, не останусь, но мне очень хочется попасть к бетонщикам. Черных с глубокомысленным видом чешет затылок, испытывая мое терпение. По соседней балке ребята таскают на плечах бревна. Разгружают лесовоз. Там лежит еще одно бревно. Его стаскивает с машины паренек в солдатском бушлате.

— Чего рот разинул?— бросает мне бригадир.— Помоги ему донести полешко!

Я подбегаю к машине. «Полешко» — только что спиленная лиственница. Я знаю, она будто из железа отлита.

Берусь за конец бревна. Ребята выжидательно смотрят на меня. Только бы хватило сил забросить на плечо...

Поднатужился, поднял. Принимаю на грудь. Резко толкаю вверх и подставляю плечо. Порядок!

Идем по балке. «Полешко» давит на меня так, что еле ноги отрываю от железа. Но чувствую, что донесу.

Вот и штабель.

— Бросай!— кричит мне напарник и, увидев, что я бросил, тоже выныривает из-под бревна.

Бригадир делает вид, что проверяет, как подогнаны доски опалубки. Потом достаивает меня взглядом и опять задумывается.

«Не падай духом!»— подмигивает мне Мохнатая шапка.

— Наш ротный старшина сказал бы в данном случае,— медленно начинает бригадир,— годен, не обучен.

И меня начали обучать. Пилю доски для опалубки, утепляю опилками бетон, кидаю «баклушки». Оказывается, это совсем нехитрое дело. Два, три раза промазал и теперь они у меня летят, куда надо...

Перед концом смены подходит бригадир.

— Как звать тебя?— спрашивает, присаживаясь на бревна.

— Николай.

— Коля? Тезка, значит,— смеется он.— Ну что там за фокусники сидят в отделе кадров? Всех Колек, Витек и Серег сплавляют ко мне. Уже скопилось шесть Сергеев, пять Витек, а ты седьмой Колька. Ну, ничего, как-нибудь разберемся.

Он окидывает меня изучающим взглядом.

— Будешь «Серая шапка».

И я стал «Серой шапкой». Утром бригадир распределяет нас по участкам.

— Серая шапка и Малокровный Сергей — на опалубку. Мохнатая шапка — делать трап...

Сергея Смертина ребята зовут Малокровным. Он весь красный, как спелый помидор — того и гляди сок брызнет. Сергей — мастер на все руки. В его активе по крайней мере добрая дюжина строительных.

специальностей. А это очень важно, потому что бригада у нас комплексная. Сегодня мы плотники, завтра бетонщики...

Мы скручиваем толстой пятимиллиметровой проволокой дощатый желоб, чтобы его не раздуло, когда в него ляжет бетон. Бригадир, как уж, лазит между железными ячейками арматуры, оставляя куски ваты от своей телогрейки на проволочных узлах. Сейчас он по-деловому сух и серьезен. Минуту назад мы слышали, как он распекал девушек за то, что они плохо очистили опалубку.

— А ну-ка, тезка, — оттирает он меня плечом и берет мой ломик.

Проволока глубоко врезалась в брус. Мне кажется, что она натянута, как струна. Но бригадир умудряется сделать еще два оборота и коротко бросает мне:

— Пошли!

Спускаемся по лестнице к ребятам, отдирающим с потолка доски опалубки. Потолок получился ровный, будто из листов фанеры.

— Видишь, как сработали? Художественно! — с гордостью говорит он мне, и, налюбовавшись вдоволь, прибавляет: — Учти, брака у нас в бригаде еще не было!

Я понимаю. Не было до меня. Если я слабо затяну связку, доски осядут и на потолке появится опухоль.

— А теперь взгляни-ка вот сюда, — подводит он меня к стене. — Видишь?

Стена вздулась, как огромный горбыль. Из бетона торчат обломки досок.

— Бригада Егорова настряпала, — усмехается Черных. — Не работали, а деньгу зашибали! А теперь

вот после смены месяца полтора будут ее долбить. И за бетон из своего кармана заплатят. А ты знаешь, сколько он стоит? Четырнадцать копеечек лопата! Досточки можно подпилить, брусочки подтесать, а бетон не подпилишь и не подтесишь. Понял? Ну, иди, скручивай покрепче...

И такие уроки я получаю каждый день. От бригадира, от Сергея Малокровного, от Мохнатой шапки — Коли Титовца... Я все время чувствую на себе заботу ребят. Однажды я нес тяжелый щит, сколоченный из досок. И вдруг чувствую, что он убавился в весе. Оглянулся. Рядом Коля Титовец.

— Силушкой ты у нас никого не удивишь. Зачем это? Оступишься — и ушибешься.

Самая опасная и трудная работа — раскладывать железные брусья и вешать на них хомуты — та самая, когда под тобой пустота в двенадцать метров. Правда, от балки до балки всего лишь метра полтора, но и тут нужна большая осторожность, а главное — тренировка. Балки широкие, как доски. Но когда идет снег, очень легко сорваться.

Как альпинисты, висим на веревках у высокой стены, укрепляя опалубку. Обхватив ногами брусья, настилаем доски. Наш крикливый бригадир в такие дни совсем умолкает. Распоряжается почти шепотом, опасаясь расшуметься.

Я уже знаю почти всех наших ребят. Большинство приехали в Качканар по комсомольским путевкам. Молодежь. С Украины, из Белоруссии, с Кубани и Кавказа. Из Подмосковья. Одни уже поженились здесь, построили собственные хорошие дома или получили квартиры и осели в Качканаре прочно. Другие живут в общежитиях. Холостяки.

Есть у нас и местные, коренные уральцы. Из ближних поселков Иса, Валерьяновки. Каждый день ездят на машинах домой.

Коля Титовец и Виктор Синельников — одноклассники. Самые молодые из нас. Оба плечистые, кряжистые. «Неудобно, говорят, стало сидеть на одной парте с пацанами, вот мы и махнули на стройку. Благо, комбинат под боком строится. А десятый класс можно и в вечерней школе закончить».

После школы приятели думают поступить в горный институт, филиал которого открыт на стройке.

В бригаде у нас многие учатся в вечерней школе, в техникумах и институтах, в учебном комбинате. Бригадир зовет нас студентами, инженерами. Ох, и крепко нам достается от него, если что-нибудь проморгаем и сделаем не так. Однажды в ночную смену молодой мастер, недавно приехавший из техникума, не доглядел, и мы не оставили в опалубке место для железобетонной балки междуэтажного перекрытия. Пришлось утром резать доски, прорубать брусья. Вместо того, чтобы начать бетонировать, первая смена устраняла нашу ошибку и потеряла на этом два часа. Черных вышел из себя.

— Обормоты! Разгильдяи! — бушевал он на весь участок. — Чему вас там только учат? Чертежи не могли прочитать! «Не в коня корм!» — сказал бы наш старшина...

Мы не знаем этого старшину, но в нашем представлении он выглядит куда строже нашего бригадира. Видно, в свое время крепко доставалось Черных от него, если уж Николай цитирует его в самые острые моменты.

На другой день бригадир посылает нас долбить мерзлую землю. На плите, где встанет мельница, которая будет размалывать руду, самосвалы нагромодили много камней, песка и глины, когда засыпали проемы между железобетонными быками. Мороз сцементировал эту массу, и она застыла плотным полуметровым слоем. Отбойные молотки получили Коля Титовец и Виктор Синельников, а на нашу долю достались каелки, которые нам собственноручно роздал бригадир. За провинность.

Метет поземка. Холодно. А Сережа Малокровный молча скидывает ватник. Я тоже слеую его примеру. Каелка быстро согреет...

Острые крошки летят в лицо, набиваются за воротник, в рукавицы. Быстро устает спина. Деревенеют руки. Раз пять ударишь в одно место, прежде чем удастся отковырнуть кусок смерзшейся земли. Каелка звенит, царапая камни. Никак не могу вывернуть впаянный в глину огромный известняк. Соскользнув с него, каелка рикошетом задевает по сапогу.

— Эй, Серая шапка, осторожнее! Она, как змея, все время в ногу смотрит,— предупреждает меня бригадир.

Медленно, очень медленно продвигается работа. За целый час я наковырял каких-нибудь десятков лопат. Но вот из-под каелки сверкнули искры. Бетон. От бетонной плиты земля стала отваливаться пластами. Дело пошло веселее.

К обеду мы вымотались так, что едва доплелись до столовой. Черпаю ложкой щи, а рука дрожит. С трудом разгибаются пальцы.

— О-ох!— тяжело вздыхает Серега Мустафин,

длинный нескладный парень в огромных валенках, подшитых красной резиной.— Будто из вытрезвителя вышел!

— А ты, что, бывал там?— засмеялись ребята.

— Приходилось,— тянется Серега за большой горбушкой.— Был такой грех...

После плотного обеда клонит в сон. С каким бы удовольствием растянулся я сейчас на кровати! А до конца смены еще три часа... Да что время! Нам надо сегодня обязательно очистить всю площадку. Третья смена должна поставить деревянные щиты опалубки, а утром арматурщики уже начнут вязать арматуру. У нас железный график. Не уложишься в срок — останутся без дела твои товарищи.

— Перекура не будет,— объявляет Сергей Малокровный, нагибаясь за каелкой.

Нам нельзя терять ни минуты. На прошлой неделе нашему участку вручили переходящее Красное знамя стройки, и мы дали слово не выпускать его из рук до полной сдачи комбината.

К концу смены площадка была готова, и мы даже успели продуть ее сжатым воздухом. Садимся перекурить. Как из-под земли появляется бригадир. Серега кивает ему на площадку. Ровная, чистая, она серой заплатой лежит на снегу.

— Ну, что бы сказал в данном случае ваш старшина?

Пропустив Серегин вопрос мимо ушей, Черных обходит площадку. Он доволен, но не показывает вида.

— А каелки за вас кто будет прибирать?— начинает он ворчливо.— Заметет снегом, потом ищи... Собирайте инструмент и марш в тепляк. Чего на ветру расселись?

После воскресенья мы выходим во вторую смену. Нас пятеро. Серега Малокровный — старший, или звеньевой, как принято называть у строителей. У Сереги четвертый разряд, а мы все работаем по третьему. Мы — это Коля Титовец, Сергей Мустафин, я и Ванюшка Соловьев, веселый беспечный парень с плутоватой ухмылочкой на лице. Мне кажется, если ему даже сказать, что в этом месяце мы заработали только по десятке, он и тогда лишь ухмыльнется. Однажды мы приходим погреться в бытовку и видим объявление: «Кто нашел на строительной площадке часы золотые марки «Звезда», прошу вернуть инженеру...» Ребята посмеиваются.

— Ищи — свищи!

— Не надо рот разевать!

— «Прошу вернуть»... — иронизирует детина в черном полушубке. — Найдешь дурака!

Ванюшка берет парня за плечо и поворачивает к свету.

— Ты? А я думал, кто это меня дураком обзывает?

— Почему тебя? — удивляется детина.

— Вот они, часы! — вынимает их из кармана Ванюшка. — И несу отдавать.

— Часы отдал, а топор утащил? — удивился я.

Ванюшка поглядел на меня так, будто я сморозил какую-то несусветную глупость, ухмыльнулся и ничего не ответил.

Сегодня он пришел на смену первым. Подготовил инструмент, проверил освещение. У деревянной эстакады уже стоял самосвал.

— А ну, начали бетон пластать! — крикнул он нам, включая вибратор.

Самосвалы подходят прямо к опалубке, поднимают кузов, и бетон с гулким шорохом сползает на арматуру. Только успевай поворачиваться. Надо разогнать бетонную массу ровным слоем по всей посуде, размесить, набить под железные прутья арматуры, лежащие у самых досок опалубки. В руках у нас тяжелые вибраторы, похожие на толкушки, которыми женщины мнут картошку для пюре. Вот и мы тоже мнем, месим, трамбуем вязкую бетонную массу до тех пор, пока, по словам бригадира, «не выступит молоко», — не начнет она пениться под вибратором. Если не размесишь как следует, потолок получится корявым, бугристым, и качество бетона будет плохое. Тут уж не плошай...

Все работают с каким-то упоением, забыв обо всем на свете. Бетон идет, бетон! То и дело подходят автомашины, выстраиваясь в очередь у эстакады.

— Шевелись, — раздается у меня над головой бригадирский басок.

Черных уже отработал смену, сходил домой, пообедал и не вытерпел, прибежал на участок. Бетон действует на него, как дичь на охотника. Вырвав у меня вибратор, бригадир начинает неистово метаться по опалубке, забыв о том, что на нем не брезентовая куртка, а новое полупальто.

— Эй, Мохнатая шапка, чего мух ловишь? — успевает он время от времени прикрикнуть то на одного, то на другого из нас.

Как-то бригадир мне сказал, что у трактора ДТ есть автоматический переключатель мощности. Если трактор идет на гору, мощность прибавляется, а под гору — снимается.

— Ну, а у вашего брата я должен эту мощность

регулировать, чтобы вы все время в гору шли,— заключает он.— В марте у нас было сто сорок процентов, а в апреле должно быть сто сорок пять. Душа винтом, как сказал бы наш старшина. Стройка у нас какая? Ударная, комсомольская. Пусковой объект!

В руках у меня лопата. Иду за бригадиром и прищелпываю бетон, когда он достигнет проектной отметки, ровняю, заглаживаю. Поверхность бетона должна быть гладкой, как обстроганная фуганком доска. Потолок ляжет у нас, «как блинчик», по словам Бригадира. Художественно!

Вдруг гаснет свет. Черных выскакивает из дощатого ящика, как ошпаренный.

— Электрик! Электрик!— возбужденно кричит он.

Работать нельзя. Темно. А электрика нет. Ушел обедать.

На эстакаде ждет самосвал. К нему пристраивается другой, третий...

Я иду к преобразователю, от которого тянутся провода осветительной линии.

— Не лезь! Это не наша система!— останавливает меня бригадир.

— Да я только погляжу!— отвечаю ему.

Кончик провода выскочил из толстого шланга. Я беру его в руки и думаю: а если замкну линию? Как бы не наделать беды.

Нет, больше нигде не видно оголенных проводов. Да и сеть тут не хитрая.

Присоединяю, и всю строительную площадку заливает яркий свет прожекторов.

— Навешают все на соплях,— ворчит бригадир.— Завтра поставлю вопрос на оперативке!

И тут же набрасывается на меня:

— Бери вибратор, чего ты, как козел, топчешься!

А сам смотрит на часы и хватается за голову. Оказывается, жена послала его за билетами в кино.

— Выгонит она тебя, Никола, из дому! — подтрунивает над бригадиром Ванюшка. — Дождешься!

Черных, ворча что-то себе под нос, крутится еще несколько минут возле нас, проверяет, какой привезли бетон, и плетется домой.

Машины идут одна за другой. Мы в одних рубашках. Ерунда, что шлепаются на нас ошметки бетона, летят из-под вибратора брызги в лицо. Бетон не сало, потрешь и отстало!

Вибратор сам лезет в бетон, как нож в масло. А вот перебрасывать его с места на место тяжело. В нем больше пуда. «Р-р-р!» — зарокочет вдруг, когда коснешься железного прута арматуры. Бетон «дышит», ползет от тебя, как расстаявшее тесто.

Мы любим эту работу. Любим потому, что она венчает целый цикл подготовительных операций. Вот оно, междуэтажное перекрытие, которое я видел только в чертежах, рождается сейчас у меня на глазах. Я сам кладу его!

За смену принимаем сорок автомашин. Две нормы!

И только когда приходит ночная смена, сразу ощущаем усталость. Она будто наваливается на нас в тот самый момент, когда мы из рук в руки передаем вибраторы товарищам.

Идем домой. Перед нами будто груды мерцающих углей в прогоревшем костре. Это огни Качкана-ра. Город раскинулся на склоне горы. Улицы амфитеатром возвышаются одна над другой. Мой молодой город, построенный молодыми... Как ты красив в этот ночной час!

Я иду по горе Любви. Это самое живописное место в нашем городе. Особенно весной, когда цветут липы. А летом здесь бывает очень много малины. Она сохраняется почти до самой осени, потому что люди ходят сюда не за ягодами... Сколько ласковых слов слышали уже эти липы! И сколько еще услышат...

Навстречу мне по лесной тропинке идут двое — парень и девушка. Еще издали узнаю Витьку Брускова по армейской фуражке. Это симпатичный рослый парень с буйным русым чубом. А с ним Валя-крановщица.

— Добрая ночь, Витька! — приветствую я. — Добрая ночь, Валя! Опять загулялись?

— Домой уже поворачиваем, — говорит Виктор, улыбаясь.

Вот уже больше месяца мы не видим «артиллерийскую фуражку» в столовой. Витька ест всухомятку, чтобы больше поспать. Мы идем завтракать или обедать, а он достанет из своей сержантской полевой

сумки кусок колбасы или бутерброд какой-нибудь, пожует и, положив под голову чурбак, прикурнет в тепляке за печкой. На столовую всегда уходит не меньше часа.

Сядем перекурить, Витька сразу же начинает клевать носом.

— Во сколько спать лег?— спросил у него в субботу бригадир.

— В двенадцать,— не открывая глаз, пробурчал Виктор.

— А если точнее?

— Ну, может быть, в половине первого...

— Не ври!

— В два.

— Так вот почему твоя Валюха нам сегодня на головы опилки высыпала!— засмеялись ребята.

Черных достает из кармана зеркальце и толкает Витьку под бок. Тот уже задремал, не обращая на нас ни малейшего внимания.

— Погляди, как ты дошел!— тормошит его бригадир.— Кожа да кости! И голубка твоя, как муха сонная, на кране сидит. Сегодня опилки, а завтра бревна на нас полетят? В общем, так,— резюмирует бригадир,— такая любовь отменяется по технике безопасности. Понял? Теперь я сам буду тебя в столовую водить. Лично.

Я вспоминаю сейчас этот разговор и подшучиваю над Витькой, которого не в состоянии разбудить даже самые громкоголосые будильники.

— Тебя завтра когда поднять?

— Сам встану!— бурчит он.

— Мы уже домой собрались,— вставляет Валя.

— Так он тебя и отпустит.

Я прощаюсь с ними и поворачиваю к общежитию, а влюбленная пара долго еще маячит одиноко на улице.

На смену я часто выхожу чуть пораньше, чтобы не спеша пройти по весеннему лесу. На липах уже набухли почки. Повеселели молоденькие елочки. Рослые кедры с наслаждением подставляют солнцу свои мохнатые зеленые бока. Лес будто замер в сладкой истоме. А под горой в долине лежит густая синяя дымка. Ее проткнули стрелы кранов. Мне кажется, что это разлилось море. А стрелы — мачты кораблей. И наш корпус обогащения напоминает чем-то корабль, который вот-вот сойдет со стапелей и отправится по этому морю в большое плавание...

День сегодня такой теплый, солнечный, что мы чуть больше обычного засиделись на перекуре, воспользовавшись отсутствием бригадира. Он закрывал наряды в прорабской. Увидел ли он замерзшую стрелу крана, или нюх у него особый на этот счет, но он сразу почувствовал неладное.

— Как гуси! — возмущенно раздалось у нас за спиной. — Один присядет, и все возле него рядком. Лодыри!

Услышав, как он нас распекает, подлетел сотрудник многотиражки.

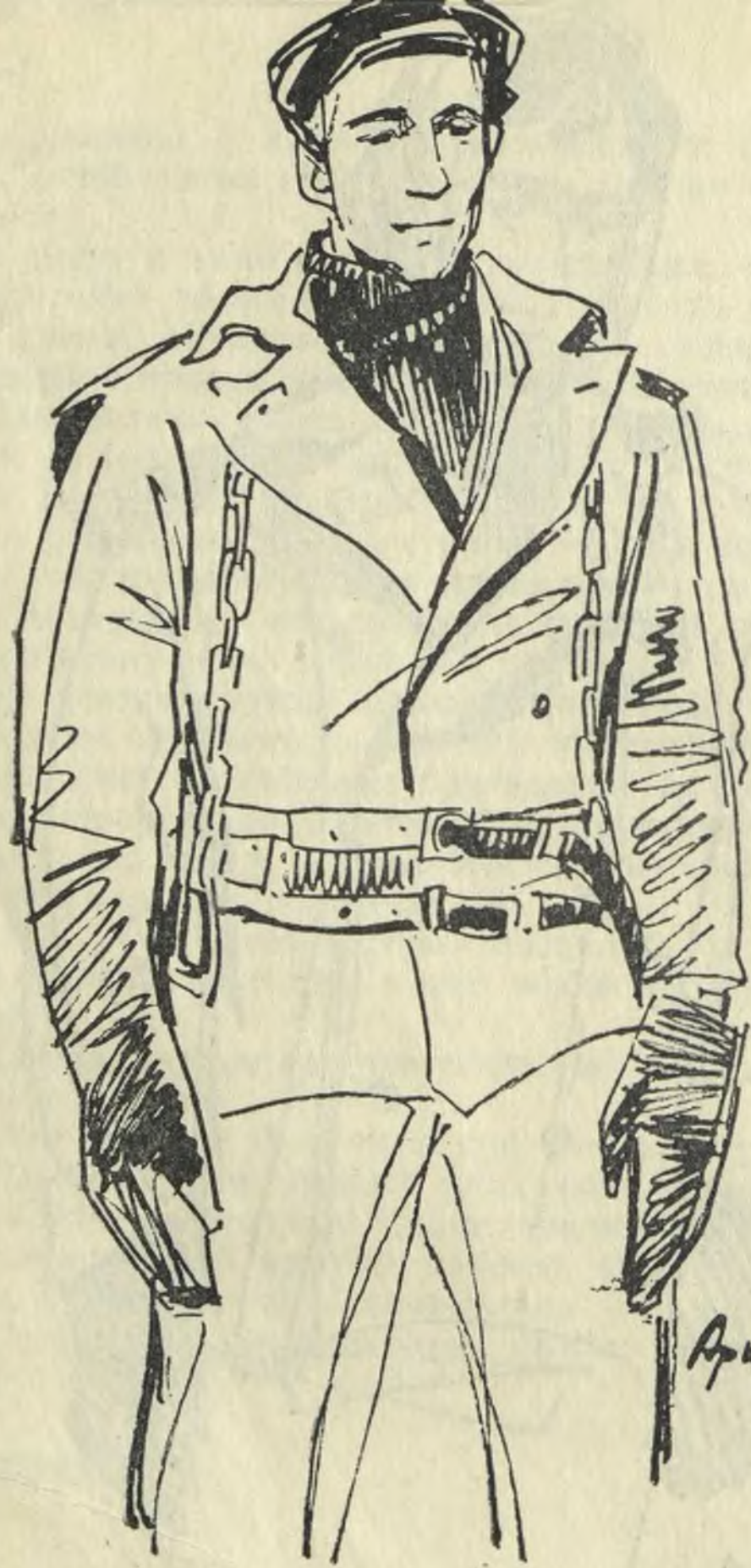
— Кто лодырь? Я готовлю критический материал.

— Ты что, с ума спятил! — накинулся на него бригадир. — Лучшая бригада! Какое сегодня число? Пятнадцатое апреля. А мы уже майский план скоро выполним. Понял? А ты — «ло-о-дыри!»

Мы с трудом сдерживаемся, чтобы не расхохотаться.

Moore

**речь механика михаила
пильщикова при взятии
социалистических обязательств**

Планы такие —

аж дух захватывает!

И, понимаете,

Очень хочется,

Чтоб встал поскорее

у жизни в фарватере

Наш комбинат —

Семилетки рабочий.

И мне, товарищи, крепко верится:

Ребятам

любой по плечу

Разворот.

Только б скорее забилося сердце —

Наш бетонный завод!

Бетон!

Да это же школьнику ясно —

Нужен, как воздух!

Без бетона — не жить.

Бетон —

это в завтра ведущая трасса:

Цехов корпуса и домов этажи.

Мне снится завод,

как матросу палуба.

Пустить бы его —

и завалим бетоном.

И только ставь успевай опалубку
Да знай разгружай поживей полигоны.

Но кое-которым

Работать с прохладцей —

Важнее всего на свете,

Это к примеру, «Промвентиляция»

А правильной —

«Пром-гуляй-ветер».

Пора приложить по-хозяйски руки.

Страстно. Напористо. Рьяно.

А мы тут,

как лебеди, раки да щуки,

В разные стороны тянем.

Не строим,

а попросту разговариваем.

Кому это нужно —

ахи да охи?

Товарищи!

Если у сердца авария,

Тут не помогут сочувствия крохи.

Вот вы, Коваленко!

Слыхали о плане?

Слыхали!

А дело — ни шатко, ни валко.

Или у вас вместо сердца камень?

Или вам Качканара не жалко?

Хотите до пенсии жир нагуливать,

Копить бюрократический стаж?

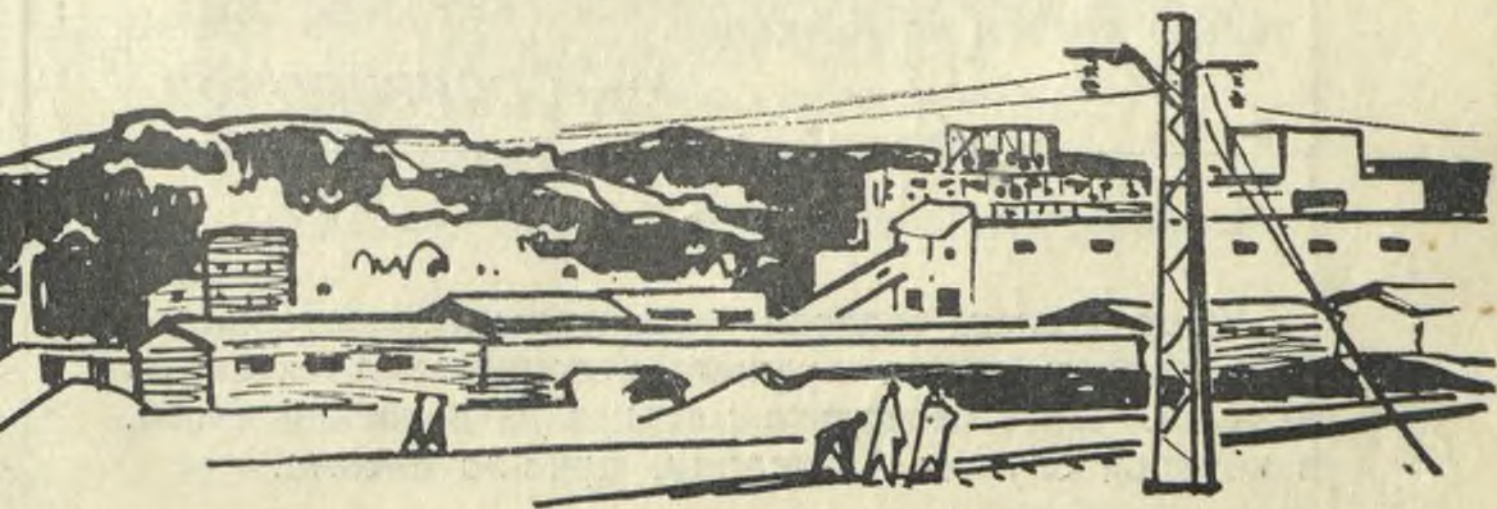
Когда же вы бросите там покуривать?

Засучите рукавчики,

Котломонтаж!

Давайте
поговорим откровенно,
Как в наши дни говорить полагается:
Вы не слыхали
об июньском Пленуме?
Его решения вас не касаются?
Товарищ Клыков!
Товарищ Несмелов!
Товарищи Гранкин и Гробовец!
Как вы считаете:
Можно сделать
Из протоколов дворец?
Упрятать себя
за бумажные стены —
На это не надо большого труда.
Надо работу раздуть!
По три смены!
И к двадцать пятому
Завод
Сдать!

Газета «На стройке Качканара», 16 февраля 1960 г.
(Из литературно-музыкального монтажа худ. самодеятельности)

архитектурный план.

ЖДИ НАС, КАЧКАНАР!

Два с половиной года я работал на стройке Качканара. Пришел в тайгу с первой группой добровольцев и был лесорубом, плотником, штукатуром, потом мотористом и шофером.

Мне особенно дорога эта стройка, которая закладывалась на моих глазах. В Качканаре я начал свою трудовую жизнь, приобрел несколько специальностей. Сейчас я охраняю границы нашей страны, охраняю свой Качканар. Недавно Москва передавала по радио репортаж о жизни нашей стройки. Мы слушали его всем нашим подразделением, а потом я долго рассказывал ребятам об Урале и моей первой стройке. Когда нас сменят, мы обязательно поедем на Качканар.

Юрий СПИРИДОНОВ.

Комсомольцы завода строительных материалов проводили в армию лучшего бетонщика Александра Мазура. Через несколько месяцев из воинской части, в которой служит Александр, пришло письмо.

ДОРОГИЕ КАЧКАНАРЦЫ!

С первых же дней пребывания на воинской службе Александр зарекомендовал себя дисциплинированным и преданным нашей Родине воином. Он отличник боевой и политической подготовки, имеет несколько поощрений командования.

Александр часто нам рассказывает о вашей стройке, о гигантских корпусах комбината, поднимающихся в необжитой тайге. Он говорит, что у вас очень интересная работа, что живете вы дружно и весело. Вы строите, а мы охраняем вашу стройку, охраняем ваш мирный труд. У нас в части все такие ребята, как Александр, познавшие радость труда, и будьте уверены, что грозное оружие, которое нам вручила Родина,— в надежных руках.

Дорогие друзья! Скоро закончится наша служба. Придет смена. Сдав посты по охране наших границ, мы приедем к вам в Качканар.

Бюро комитета ВЛКСМ Н-ской части.

СЕЛО МАЛИННИК, СЛОВОДО-ТУРИНСКОГО РАЙОНА,
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
СПИЦИНОЙ ВАССЕ ВЛАДИМИРОВНЕ,
СПИЦИНУ ЛАЗАРЮ ЕГОРОВИЧУ

Уважаемые Васса Владимировна и Лазарь Егорович!

На строительстве крупнейшего в мире Качканарского горнообогатительного комбината трудится Ваш сын Федор. Он прибыл сюда по путевке ком-

сомола. Мы рады сообщить Вам, что Федор с честью оправдывает высокое звание комсомольца.

Скажем откровенно, попадаются и в нашем коллективе барчуки, неженки, пижончики, рвачи, любители легкого заработка. Они не долго задерживаются в Качканаре. Мы презираем таких и глубоко уважаем и ценим честных, упорных, трудолюбивых людей, как Ваш Федор.

— На какую работу пойдешь?— спросили у него, когда он приехал.

— Вам виднее,— ответил Федор.— Куда пошлете.

Очень скоро ребята увидели, что у Вашего сына доброе сердце и золотые руки. Все полюбили его. Пришел к нам Федор без специальности, а сейчас он уже большой знаток своего дела, бригадир, учится в школе рабочей молодежи. Мы выбрали его в состав профсоюзного комитета, в комсомольское бюро. Ему присвоено звание «Ударник коммунистического труда».

Настоящие друзья познаются в трудном деле. Много раз приходилось Федору жертвовать часами отдыха, отказываться от покоя, когда этого требовали интересы стройки, и ни разу не уклонился он от трудностей. Мы горячо благодарим Вас за то, что Вы воспитали такого сына.

Комсомольский комитет стройки.

КАЧКАНАР, КОМИТЕТ ВЛКСМ

ТОВАРИЩ СЕКРЕТАРЬ!

Мы, группа военнослужащих, после увольнения в запас хотим включиться в развернутое строительство коммунизма, участвовать в крупных стройках семилетки. Глубоко поняв идеи партии и ее Программу, решили ехать на строительство вашего молодого города, которому принадлежит будущее. Обращаемся к Вам с просьбой прислать нам комсомольские путевки в ваш город и на ваши строительства. Нам бы хотелось сразу включиться в строительство коммунизма, не теряя времени даром. Все мы горим желанием как можно скорее приступить к работе. Среди нас есть люди с различными специальностями. Есть хорошие спортсмены, активные участники художественной самодеятельности и вообще решительные ребята.

Хотим заверить вас, что мы не побоимся любых трудностей и будем работать так, как этого требует партия и наш боевой комсомол. Большой привет комсомолу Качканара от комсомольцев-воинов.

Ждем вашего ответа.

По поручению группы комсомольцев
писал КАЛУГИН.

МИШКА

Каждое утро Мишка делает один рейс — до районного центра и обратно. Третий месяц подряд ровно в восемь он подгоняет свой автобус к барачному зданию управления треста и дает сигнал. Неизменно диспетчер высовывается из окна и грозит ему телефонной трубкой, продолжая кого-то распекать. В ответ Мишка строит гримасу и глушит мотор: еще пройдет не меньше часа, пока диспетчер вручит путевку.

В этот час Мишка любит покопаться в машине. Он обходит автобус, гулко бьет каблуком в колеса, хмурится, осматривая губастую шину, иссеченную дорогой, и молча обещает машине вырвать у механика пару новых покрышек.

Капот Мишка поднимает с трепетным волнением, словно открывает таинственную дверь. Он забирается под капот с головой, и снаружи торчат лишь короткие кривые ноги в стоптанных башмаках. Слышится бормотание. Это Мишка грубовато-ворчливым тоном разговаривает с автобусом. Так бы он говорил с другом.

Правда, случается в ненастье осклизнет дорога, и автобус буксует, обиженно ворча, тогда Мишка

вслух обзывает его «колымагой», «гробом» и грозит сдать в металлолом.

Но отзовись кто-нибудь из пассажиров неодобрительно о машине, Мишка вспыхнет, как порох, и обругает себя:

— Балда! Насадил мешочников...

Все, кто не понимает толк в машинах, несомненно, принадлежат к разряду «пижонов» и «мешочников». Последних Мишка просто ненавидит...

Около приземистой кирпичной бани с крохотными окнами всегда толпятся люди, дожидаясь машины до райцентра. Одних ждут в Нижней Туре дела, другие едут на работу до Валерьяновского или торопятся на станцию, к поезду.

Ему нравятся и шумливые командировочные, и плечистые, коричневые от загара парни-бетонщики, его сверстники, и вездесущие мальчишки, истинные ценители машин. На вопрос: «Откуда?» — все коротко бросают: «Со стройки!» И это звучит, как пароль. Мишка садит их безропотно. Он любит стройку...

И только толстых, всегда чем-то недовольных торговков с базара — не выносит. Они сидят на своих мешках, как наседки, и всю дорогу тараторят о выручке и базарных ценах. Мишка обычно не выдерживает. Он любит разговоры о процентах, бетоне, о новых машинах, о комбинате, который они строят. Но о базарах?!.. Он останавливает машину. И хотя автобус бесплатный, собирает деньги. Завтра Мишка сдаст деньги диспетчеру. Тот станет чертыхаться, так как деньги, собранные шофером, касса не принимает. Так было всегда. Так было и сегодня...

— Шаляпин! В рейс! — слышится голос диспетчера.

Почему он называет Мишку Шаляпиным, остается тайной. Фамилия у шофера — Пехота.

Мишка захлопывает капот. Потом достает из-под сиденья потертую кожаную куртку и набрасывает на плечи. По его глубокому убеждению, каждый мало-мальски уважающий себя шофер должен иметь «кожанку».

— Значит, в Туру? Середина недели... Одни мешочники! Хы!... Маршрутик...

Машина плавно трогается с места, и, проехав несколько сот метров, останавливается у бани. «Так и есть. Нет деловых людей», — грустит Мишка, оглядывая толпу. Он морщится и демонстративно отворачивается от двери...

За рабочим поселком, где дорога петляет по увалам с густыми липами, Мишка резко тормозит автобус. Охнув, люди подаются вперед. На пол шлепается чей-то мешок.

— Ну... — Мишка поворачивается лицом к пассажирам. Шелестят бумажники. Притворные вздохи. Мишка идет между креслами и зло пинает мешки:

— Чей? Гони полтинник, тетка... Большой — твой?

— Ну, мой...

— Рубль.

— Накося-гликося, рубль... Побойся бога!

— Хы! Нашла адвоката... Бог! Поди вчера не вспомнила, как бражкой торговала. Ой, попадешься, бабка...

— Типун тебе на язык... Господи!.. — крестится старуха.

Мишка не слышит и не видит. Он презрительно топчет мешки с семечками, пробираясь к задним сиденьям.

— А это чей?

— Мой, товарищ водитель!—отзывается смуглая невысокая девушка в спортивном костюме. Она дружелюбно смотрит на шофера и чуть улыбается уголками губ. А глаза у нее синие-синие...

— И ты...—Мишка с удивлением смотрит на девушку и не может понять, как можно с такими синими глазами торговать семечками.

— Да что вы подумали, товарищ водитель? Я в отпуск. Сколько?

— В отпуск?—Мишка широко улыбается. У него даже подрагивают мочки ушей.—Так в отпуск? Хы!.. Сколько. Не на базар же—в отпуск. Сколько!.. Ну и чудная, а не соображает...

Он садится за баранку, смеется: «Хы! Сколько... Ну и чудная...» Голова его вздрагивает, и короткая челка, срезанная наискось, спадает на лоб.

Машина набирает скорость. Лес вдоль дороги сливается в желто-зеленый частокол. Мелькают вкрапинки кумачевого осинника. Мишке кажется, что за деревьями ходят девушки в красных косынках...

Он веселеет, перебрасывается шутками с пассажирами. Изредка резко поворачивается и по-приятельски подмигивает девушке:

— С ветерком?.. Успевай считать на деревьях листья...

— Не балуй, шарамыжник,—ворчит старуха и опять осеняет себя крестом. А Мишка все внимание—на дорогу. Обогнав грохочущий самосвал, он высовывается из окна и радостно кричит:

— Эй, Уралзил! Мелко бродишь!..

В Валерьяновском, что на пути в райцентр, в автобус садится новый пассажир! На нем темный плащ,

лицо вытянуто, как тыква. В руках авоська и резной сундучок с висячим замком. Пассажир небрежно разваливается на сиденье для кондуктора и достает папиросы.

— Беломор наш, свердловский?— спрашивает Мишка. Тот кивает головой. Они закуривают.

Шалый ветер бросает в окна резные листья рябины, прихваченные зарей. Они бьются о стекла, как мотыльки, и срываются под колеса. Подхваченные вихрем они некоторое время несутся за автобусом, сталкиваются и успокоенные опускаются на дорогу...

Мишка бегло оглядывает пассажира. Он его знает, но забыл, как звать.

— В Туру?

— Ну...

— Жениться, что ли?.. Сундук у тебя важный.

— Нет.

— Хы! Говорят, поздно жениться все равно, что свадьба без гармошки,— Мишка смеется. Оживляются пассажиры. Парень хмурится, но шофер не замечает.

— Ты где сейчас?

— Так... электрик...

— Ты же каменщиком был.

— Ушел, заработок не тот...

— Каменщиком-то? Это ты брось, вот мы, шофера,— другое дело. К примеру, я — Пехота, второй класс... Восемьдесят рублей... Не шибко?.. А-а...— Мишка смачно плюет сквозь зубы.— Дело не в деньгах, а в удовольствии работать. Верно?

— Ну...

— Я год промантулил лесорубом. Смену отстукаешь — пять рубликов. А затосковал... Услышу

сигнал — все в душе переворачивается. Посадили на машину, так из гаража боялся уйти. Все казалось — отнимут. Хы! Не скажи... Тут дело не в деньгах... Постой, ты же с нами дорогу на Качканар рубил?.. Зовут... вот забыл...

— Зовут — Зовутком, а величают — Обутком, — мрачно пошутил парень.

— Да нет... Вспомнил. Игнат?

— Ну...

— И в палатках жил?

— Было дело...

— Ты с первого дня на Качканаре?

— В августе пятьдесят седьмого завербовался.

— Вон как. Я — с первого. Как узнал, что к руде подбираются, агитнул ребят на Косье, тут рядом, — и сюда, на Качканар.

Теперь Мишка ведет машину небыстро, ровно. Ему хочется вспомнить особенно близкое и дорогое. Вон девчонка — та ловит каждое слово. Интересно.

Девушка смело шагает через мешки и подсаживается на краешек сиденья за спиной шофера.

— И вы, товарищ водитель, в палатке жили?

— Вот чудная. Где еще... Домов же не было. Тайга да болото...

— Гниль, мошкара, — зло замечает Игнат.

— И комары были. Точно. Утром проснешься — они на брезенте сидят, распухли от крови и улететь не могут...

— Ой! Жуть какая...

— Попили кровушки, — бросает владелец сундука.

— А пожар помнишь? — спрашивает Мишка.

— Еще бы. У меня костюм сгорел... Девяносто рублей платил...

— Девяносто?— Мишка смеется. Утирая кулаком выступившие слезы, обращается к девушке.— Видала чудака? Девяносто... Я чуть совсем не сгорел. Месяц по больничному ходил...

— Расскажите!— просит девушка.

— Да смех один, а не пожар. Спим, понимаешь. Холодно. Ноябрь уже. Одеяла, телогрейки— все на себя. Утром слышу крик: «Мишка! Пожар!» Я— шашть! И голову не поднимаю. Схватился за волосы. Батюшки! Примерзли!.. «Сережка!— кричу.— Давай нож!» Серега, дружок мой, шарит, в темноте не найдет. Попался топор. Отхватил полчелки. Смех! Потом пятнадцать километров топал в парикмахерскую... Срамота...

На минуту он умолкает, объезжая рытвину.

— А дальше?

— Дальше? Сгорело восемь палаток... Был у нас один... Палатки горят, а он упал на коленки, крестится. Дело не шутейное, а нам смешно...

— Не богохульствуй, Мишка,— строго говорит старуха.— Видно, святой человек был.

— Ага... Потом его не стало. Говорят— умом тронулся... Вот так... Первый день, как пришли, собрал нас начальник вокруг себя. «У кого топоры и пилы— шаг вперед!» Дали задание— рубить лес. Работали неделю. На Косью ходить далеко. Срубили шалаш, да так и спали у реки. Потом приехал начальник отдела кадров, сел на пенек: «Подходи, ребята, оформляться». В паспорте поставил штамп: «Принят— 27 мая 1957 года». Так вот и пошло... А теперь— видала? Город! Тут, брат, песни петь надо...

— Хорошо!— мечтательно вздыхает девушка.— А я год на стройке. Так жалко...

— Немного потеряла,— усмехается Игнат.

— Чего немного? Обидно, конечно. И я бы позавидовал,— говорит Мишка.

— Нашел чему...

— Позавидовал бы. Понял?

— Ладно, завидуй! Завидуй!— Игнат раздражается. Он почти кричит.— А я плевал на стройку. Ты это понял? Энтузиасты...

— Ну, ты— деятель...

— Понял, говорю? Три года вкалывал, как верблюд. Ревматизм нажил. С меня хватит. Я — фьють, романтики...— он хохочет. Недоуменно глядит девушка то на Игната, то на шофера. Она замечает, как казанки рук у Мишки белеют, словно кто коснулся их мелом. Он стискивает зубы и смотрит вперед. Дорога уходит к горизонту, теряется в облаках. И Мишка вдруг с сожалением думает, что до города еще не близко...

Пассажиры лениво переговариваются. Молчит Мишка, молчит и девушка, бросая косые взгляды на Игната. Тот дремлет, опершись на спинку сиденья. Когда сильно встряхивает, он испуганно открывает глаза и осматривается по сторонам.

Машина всей силой мотора рвется вперед. Из под колес летит шлак...

...Через час автобус громыкает по мосту. А за мостом — вокзал. Все покидают машину и мельком глядят на Игната. Один Мишка закрывает глаза и опускает голову на грудь. Его узловатые руки с трещинами на ногтях неподвижно лежат на баранке. Лишь подрагивают кончики пальцев...

Игнат долго роется в бумажнике. Девушка следит за его цепкими пальцами. Они неторопливо вытягивают трехрублевую бумажку и протягивают шоферу.

— Не дуйся, выпей за мое здоровье...

Резной сундук летит в открытые двери.

— Я за погибель твою выпью! Мешочник! Крыса!

Сундук застревает. Мишка выпинает его каблуком. Игнат выпрыгивает следом. Мишку бьет дрожь.

— Спасибо, спасибо, Миша!— девушка жмет ему руку выше локтя и с нежностью смотрит в его зеленые глаза...

Мишка опускает стекло и расстроенный глядит ей вслед. Потом он рывком закрывает дверь и ладонью вытирает с лица пот. Ему очень хочется остаться наедине со своими мыслями, неожиданно спутанными и смятыми...

Но у вокзала ждут пассажиры. На плечах у них рюкзаки, лица юные и обветренные. На стройку едут добровольцы.

Мишка открывает окна, снимает «кожанку», намотав ее на кулак, выметает из автобуса сор.

В пути

Поезд спешит, дрожа.
Как молния, сталь дорог.
Цепко лопату сжав,
Швыряю уголь в лоток.
И стала черным-черна
Мозолистая ладонь.
Какая сила нужна,
Чтоб прокормить огонь!
У топки так горячо,
Что хочется убежать.
Пот зажурчит ручьем,
Если рубаху сжать.
Вдруг стало так хорошо...
Дурмнящий, лесной
Ветра прохладный шелк
Вытер мое лицо.
Ветер, ветер! Тебе я рад
Еще обними, еще!
Соленый и грязный град
Смахни с моих жарких щек.

ДВА ПИСЬМА

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Нинуська, милая, здравствуй!

Привет тебе из Качканара. Тут почему-то говорят: живу на Качканаре, а не в Качканаре. Видимо, имеется в виду гора. Вот пишу тебе это письмо и смотрю в окно. Гора мне кажется похожей на огромную казахскую юрту. Над вершиной горы клубятся облака. Это будто дымок из юрты.

Говорят, что облака притягивают магниты, потому редко когда увидишь Качканар открытым. Смотрю на эту гору, и мне вспоминается плакат, который я видел в нашей библиотеке. Парни и девушки нашли в скалах шкатулку. На ней выведено старинной вязью: «Урал». Открывают они крышку, а в шкатулке — новые заводы, гидростанции, города... Как алмазы рассыпаны.

В Качканарской шкатулке геологи определили сперва запасы руды, которых всей нашей металлургической промышленности хватит на сто лет. Можешь себе представить, какая это шкатулочка?!

Ну, скажешь ты, мой горняк опять сел на любимого конька! Не письмо, а технический бюллетень.

Но ты же просила, Нинуся, подробнее описать тебе Качканар, вот я и стараюсь.

Эта неделя у нас выдалась дождливая. Ребята настелили у порога еловых веток, чтобы не таскать на сапогах грязь. В комнате пахнет Новым годом. Ведь у нас в городе елки появлялись только в новогодние праздники. Мне немножко грустно, потому что я вспоминаю тот новогодний карнавал, на котором мы познакомились с тобой... Целую зиму мне жить без тебя, Нинуська...

А прошло только три недели, как мы с тобой расстались. За эти дни я стал заправским альпинистом.

— Горные техники пока не требуются, — сказал нам начальник управления, — будете альпинистами. Идите, получайте снаряжение.

Мы восприняли это как шутку. Заходим на склад, думаем нам выдадут рабочую спецовку, а заведующая достает с полки горные ботинки, капроновые канаты и самые настоящие ледорубы. «Инструктором по альпинизму» был инженер по технике безопасности. Подвел нас к котловану и прочитал целую лекцию о страховке, креплении веревок, всевозможных узлах и т. д.

Перед нами не котлован, а будто кратер потухшего вулкана. В нем свободно скроются два свердловских почтамта, поставленные один на другой. Семьдесят пять метров. А у склона горы — еще побольше. Наша задача — спускаться на канатах по стенам котлована и вырубать торчащие камни, чтобы они не свалились на рабочих, когда начнется строительство корпуса.

Подо мной пропасть. Погляжу вниз и даже дух захватывает. Но я храбро карабкаюсь по камням, как

заправский альпинист. Сталкиваю один камушек, потом другой. Вдруг слышу над головой какое-то жужжание. Вскидываю глаза и вижу мальчишку лет тринадцати, нацелившегося в меня кинокамерой.

— Весь сюжет загубил!— досадливо морщится он.— Неужели не понимаешь, что нельзя в объектив смотреть?

— Ну, давай еще раз,— предлагаю я огорченному до слез оператору.

— Пленка-то нормированная!— ноет он.

— Ты бы хоть предупредил, что ли...

— Тогда тоже вы начинаете позировать. Надо внезапно...

Это, оказывается, готовят ребята фильм о своем городе. Сами написали сценарий, сами снимают, проявляют и монтируют. Так что ты увидишь меня на экране, если режиссер не вырежет этот кусок.

Каменная чаша, которую мы обстукиваем, приготовлена для корпуса крупного дробления. Из нее вывезли полтора миллиона кубометров скального грунта. Если эти кубики положить впритык один к другому, то получится тротуар, по которому ты могла бы, пожалуй, прошагать от Свердловска до самой Москвы.

Больше половины корпуса будет в земле. Инженер говорит, что в практике строительства технических сооружений это самый глубокий в Союзе котлован. Денька через три я пришлю тебе фотографию. Мальчишки сняли нас в разных видах «Сменой» за то, что мы помогли им выбрать эффектные ракурсы. Только ты не пугайся, когда увидишь меня висющим

над бездной. В основном — это фокусы киноискусства.

Теперь о житье-бытье. Устроились мы в общежитии. Комнату нам дали на четверых. С жильем здесь пока туговато, но строят здорово. Сразу на всей улице закладывают дома.

Столовая рядом с котлованом. Завтракаю и обедаю на работе. Готовят вполне прилично, но жутко надоедает топтаться в очереди. Кроме нас, здесь питаются рабочие всех корпусов: мелкого дробления, обогащения и контора.

Нинуська, меня поразила в первые же дни удивительная осведомленность всех качканарцев от мала до велика в вопросах стройки. К любому обратиться и получишь самые точные и исчерпывающие ответы. Тебе расскажут, каким будет комбинат, как будет выглядеть город, на какой площади разольется Качканарское море... Я с трудом удерживался от смеха, когда сынишка нашей уборщицы, Славка, лобастый пятиклассник в бескозырке с надписью «Краснознаменный балтийский флот», увлеченно втолковывал мне, сколько будет давать руды наш комбинат.

— В Америке есть самая большая фабрика, — бойко тараторил он. — Забыл, как она называется. А! Конфеты — ириски... Ири! Фабрика Ири. Она дает в день 64 тысячи тонн руды. А наш Качканар — еще больше...

Представляешь, Нинуська, что это такое? Каждые пятнадцать минут из Качканара будет уходить эшелон с рудой.

У нас в городе будто расквартирован флотский экипаж и нахимовское училище. Недавно по комсомольским путевкам приехали демобилизованные моряки. Полторы тысячи человек. И через несколько дней все бескозырки и ремни перекочевали к качканарским мальчишкам. Идешь теперь по улице и со всех сторон раздается:

— Полундра! Свистать всех наверх! Аврал!

Вот и мой приятель, уборщицы сын Славка, тоже за счет матросов почти с головы до ног экипировался. Кроме ремня и бескозырки, ему перепала еще тельняшка.

Славка приехал в Качканар из Свердловска. Он говорит, что его сюда «выписали». Дело в том, что

здесь, на ударной комсомольской стройке, коменданты общежитий никак не могли найти уборщиц. Какие только привилегии им не сулили — никто не соблазняется.

«Подумаешь, романтика, полы мыть!» — отфыркивались девчата.

Вот и пришлось заместителю управляющего по быту, как говорит Славка, «выписывать» уборщиц чуть ли не со всего Союза.

За три недели я только раз был в кино, хотя каждый день у нас бывает по пять сеансов. Очень трудно с билетами. Один из наших поэтов — бетонщик Шаргунов даже написал об этом:

— Трудно вам?

— А кому не трудно?

К концу смены, конечно, устанешь

И, наверное, рая достоин,

А билетов в кино не достанешь,

И Дворец еще не достроен...

Билет в кино мне достал Славка. Пошли мы с ним в клуб, а через улицу в туфлях не переберешься. Возле лужи стоят «дежурные» в резиновых сапогах и переправляют всех на «другой берег». Когда меня «повез» один из парней, я, обхватив руками его дюжую шею, не совсем почтительно отозвался о Качканаре.

— Ну ты, там, наверху, сиди и не вякай! — раздалось сердито в ответ. — А то поплаваешь в этой луже!

Ну, пожалуй, пора закруглять, Нинуська. Ребята уже шипят на меня — свет гаси. Да и ты, наверное, уже устала читать — шесть листов накатал.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Ты прелесть — обрадовала таким длиннющим и ласковым письмом. Читал его и перечитывал без конца и все время слышал твой голосок, видел твою улыбку.

Значит, тебе понравилось мое послание? Тогда принимай второе. Ты меня засыпала вопросами, и я не знаю, с чего и начинать. Прежде всего мне хочется рассказать тебе о событии, которое произошло у нас на этой неделе.

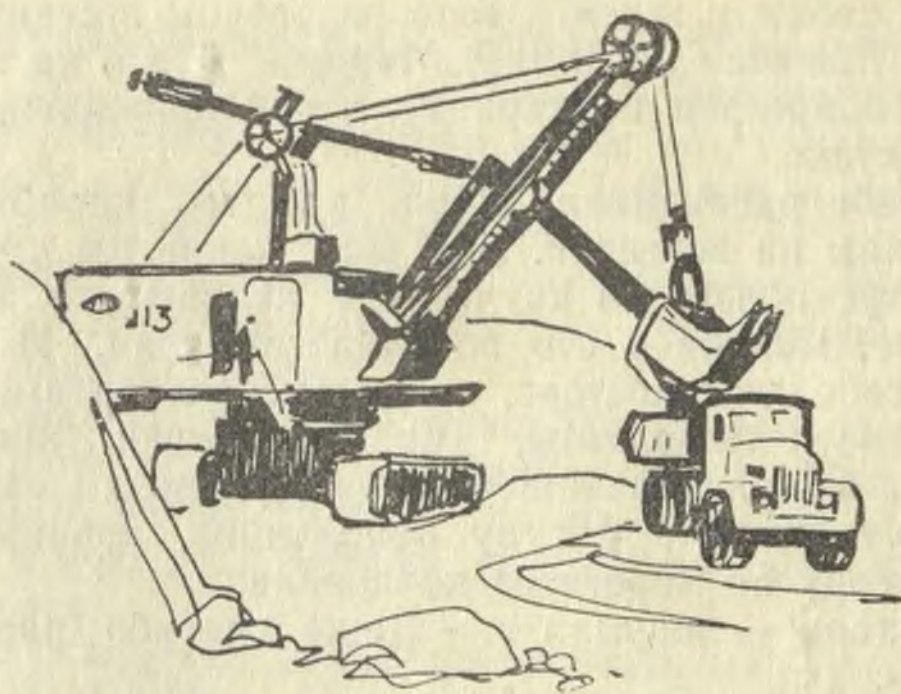
Большой четырехкубовый экскаватор «Уралец» полз по горизонту — узкой каменной террасе. Взрывом откололо уступ. Терраса сузилась. Гусеница легла вровень с кромкой обрыва. Чуть-чуть оплошай машинист — и экскаватор загремит с тридцатиметровой высоты. Мастер Игорь Конкин остановил машину.

— Да проскочу я, проскочу! — горячо доказывал ему экскаваторщик Николай Минин. — Что ты, Игорь, меня не знаешь?

Про Минина рассказывали, что он берет ковшом экскаватора с земли наполненный водой стакан, поднимает стрелой и снова ставит на прежнее место, не пролив ни капли.

Если экскаватор не пройдет, камни надо убирать вручную. Десять тысяч тонн... А у нас каждый день на счету.

— Нельзя, Николай, нельзя, — стоял на своем мастер. — Упадешь...

Минин побежал к начальнику управления.

— Да я уважать себя перестану, если экскаватор будет стоять, а люди три месяца на моих глазах камни руками ворочать будут,— горячился он.

Иван Михайлович Колесников пришел с Мининым в котлован. Мастер доказывает свое — нельзя. Минин готов ему в горло вцепиться. Начальник молчит, лазит под гусеницами, ощупывает камни. Мы чувствуем, что он на стороне Николая. Но решения принимать не спешит. Попросил рулетку, еще раз облазил всю площадку.

— Ну что, Минин, рискнем? — спрашивает у экскаваторщика.

Тот бросается к кабине.

— Бойтся, что вы передумаете! — пошутил кто-то из ребят.

Мы стоим и ждем. Звено за звеном гусеницы тихонько ложатся на камни. Машина, будто на цыпочках, пробирается по карнизу, тесно прижавшись боком к стене.

Я тебе расписывал, Нина, как мы карабкаемся по скалам на веревках. Вот, мол, какие мы смельчаки! А тут ползет по круче, где человеку-то пройти страшно, махина в сто восемьдесят тонн. И представь себе наш восторг, когда экскаватор вылез на безопасное место. Мы, как мальчишки, кинулись в пляс, а наликовавшись вволю, увидели высокую, чуть сутуловатую фигуру начальника, поднимавшегося в гору по дороге из котлована.

«Сухарь! — подумал я. — Даже спасибо парню не сказал».

А вечером приходит Иван Михайлович в котлован, мы смотрим на него и видим — виски побелели...

Я, Нина, рассказал тебе только об одном эпизоде, а ведь такие случаи бывают на каждом участке. Ребята говорили, что экскаваторы они снимали с платформ безо всяких подъемных механизмов, которые тогда были еще в пути, а ведь некоторые узлы весят двадцать тонн...

Помнишь, как посмеивался кое-кто, когда у нас заходил разговор о романтике?

— Не романтика, а рубль всему голова! — острил Витька Потапов.

Хотел бы я услышать, что бы он сказал про Николая Минина...

Интересный народ у нас на Качканаре. (Ловлю себя на мысли, что уже считаюсь настоящим качканарцем.) Так вот о ребятах. Их всех роднит неумемная страсть к покорению новых мест, все они какие-

то шептуньи, беспокойные, горячие... Посмотрела бы ты на них, когда они поднимают новую колонну, снимают опалубку с готовой стены или заканчивают прокладку рельсов к корпусам. Все так и светятся радостью, шутки, прибаутки, смех.

Приезжают краеведы из Свердловского музея.

— Где тут у вас исторический топор, которым вы первую сосну свалили?

Направляют их к Анатолию Торопицину. А утром жена Анатолия стала растапливать печку. Нету дров и нарубить нечем. Попало хозяину. Узнали об этом ребята и натащили чуть не дюжину топоров первому качканарцу.

Твоя подружка интересуется, есть ли тут самодеятельность? Есть. Да еще какая! Особенно гремит танцевальный ансамбль.

А зарождался он вот как. Приходят ребята в стройком и заседают на председателя:

— Балетмейстера давай!

Уж не знаю, как: правдами и неправдами затащил он в тайгу какого-то маститого дипломированного плясуна. Тот сказал, что может пробыть здесь только неделю. Танцоры отплясывали с утра до вечера, а друзья работали за них по две смены. Так уматывали за день балетмейстера, что тот не только плясать, а ходить уже не мог.

Начнет рассказывать про теорию танца, а ребята галдят:

— Ты время не трати, на практике показывай. С теорией мы и по книжкам познакомимся.

Зато теперь наших плясунов восторженно встречают не только в Качканаре, но и в Нижней Туре, в Свердловске, Тагиле... Вот приедете, сами увидите.

Официально Качканар считается поселком, но этого здесь никто не хочет признавать, во всех письмах пишут — город. И, может быть, по размерам он еще не дорос до города, а по виду это уже настоящий город. У него нет окраин. У меня такое впечатление, будто взяли и перевезли сюда улицы целиком. Большие, четырехэтажные дома стоят прямо возле елей, кедров и сосен. Рядом с нашим общежитием возвышается на горе кедр, поднявший к небу две здоровенные ручищи. Бригадир плотников, ветеран Качканара, Володя Щелконогов, мне рассказывал, что года два тому назад он спилил здесь елку, она пошатнулась и грохнулась прямо в объятия кедра. Так и стоят эти два дерева вместе. Кедр даже мертвую елочку не хочет выпускать из рук...

— И у самого уже с горя начала сохнуть макушка! — закончил задумчиво Володя.

В душе он поэт. Кстати, поэтов в Качканаре много. Редкий номер многотиражки выходит без стихов. Да это и понятно, ведь строители — все поэты, даже если они и не пишут стихи.

Опять я увлекся, Нинуся, и чуть на работу не опоздал. Надо одеваться...

да будет свет!

Четвертого и ночью пятого декабря, в сорокаградусный мороз и вьюгу, на высоковольтную линию рухнули тяжелые деревья. Погасли огни в Качканаре. Начали быстро остывать батареи центрального отопления. Поселку строителей угрожала серьезная опасность.

Устранение аварий и их последствий вылилось в самоотверженную борьбу против разбушевавшейся стихии.

Управляющий трестом отдал приказ, в котором благодарит товарищей, с риском для здоровья и жизни боровшихся за спасение поселка. Приказом управляющего награждаются денежными премиями:

А. Кислицын, слесарь-сантехник.	Н. Жиделев, электрик.
А. Ивлиев, слесарь-сантехник.	Л. Новоселов, мастер-электрик.
А. Плотников, слесарь-сантехник.	Г. Пугин, бригадир сантехников.
В. Таупьев, слесарь-сантехник.	Г. Хусмутдинов, слесарь.
В. Локтев, слесарь-сантехник.	А. Восковцев, слесарь.
В. Сапин, слесарь-сантехник.	А. Богашкин, слесарь.
Б. Воробьев, электрик.	В. Ерохин, бригадир сантехников.
В. Полежаев, электрик.	Е. Захаров, слесарь.
А. Вычужанин, электрик.	В. Гимаев, слесарь.
В. Просвирнин, электрик.	В. Белюков, газосварщик.
Ольга Шуст, электрик.	В. Исайкин, газозлектросварщик.
А. Печул, электрик.	Ю. Бородейко, электрик.
Н. Ерохин, электрик.	

Слава героям ударной комсомольской стройки!

Газета «На стройке Качканара»,
15 декабря 1959 г.

* * *

✓ В седой глухомани урочищ
Забился лоскут кумача.
И вынес поселок рабочий
Ночную зарю на плечах.
Гореть ей, с годами не старясь,
Зажженной во славу страны,
Над синью снегов Качканарья,
Над синью рожденной волны.
Ей литься на гулкие рельсы,
Качаться над горной грядой
И мчать в регулярные рейсы
Состав с качканарской рудой.
Но если случится, что снова
Огни золотые замрут —
Отважные парни сурово
На Долгую гору взойдут.
Взойдут —
И осветит планету
Сердец их негаснущий жар...
По этому чистому свету
Узнают тебя,
Качканар!

* * *

Горят веселые люцеты,
К сосновым стенам прислонясь.
Гуляют здесь владыки света,
Богини местного огня.

Плясуньи горного поселка
Смахнули изморозь с ресниц.
Надели лодочки —

пощелкать

По гулким планкам половиц.
А парни держатся степенно,
Беседу тихую ведут.
И руки нянчат на коленях,
Не пряча ссадин,
На виду.

Костюмы у ребят что надо!
И цвета крем, и цвета беж.
И остриями брючных складок
Хоть черствый хлеб ломтями
режь.

А за окошком в белых

вспышках

Пурга металась в поводу.
И вдруг, как встарь с дозорной
вышки,

Сигнал!

Влетела внутрь ледышка,
К стеклу приклеился мальчишка
И дал им верный знак:
— Иду-ут!

Идут!

И сразу двери настезь.
И рюмки под ноги — на счастье!
Что случилось вдруг с баянами?
Кто их вывел на простор?
Будто сразу над поляною
Заплясал живой костер.

Хохотушка круглолицая
Дробь рассыпала в кругу.
— Оштрафуй меня, милиция,
Удержаться не могу!
И пошла, пошла поцокивать
Точеным каблучком,
И частушку резвым соколом
Пустила высоко.
— Трудно солнышку в тумане
Лезть по горному кряжу.
Я его подъемным краном
На вершину подсажу!
А тамада — ладони рупором —
Кричит:
— Товарищи, к столу!
Я столько градусов раскупорил!
Не пропадать же зря теплу.
Друзья! Прошу поднять бокалы.
А просьба тамады — приказ!
Чтоб им тепла всегда хватало,
Чтоб им...—
Вдруг яркий свет погас.
На полуслове
Оборван тост.
Ну, вспыхни ж снова,
Сиянье звезд!
Но словно в летку,
В окошко бьет
Прямой наводкой
Пурги копье.
Ни малой искры,
Ни огонька.

Как будто втиснут
Весь мир в рукав.
На помощь — стойкость,
Чтоб снова тек
По жилам стройки
Электроток.
Легко, вразвалку,
Пошел жених.
— Куда?
— В раздевалку...
И все за ним.
Ребята хохочут, врезаясь в сугробы:
— Ну, что это, братцы, за славная жизнь!
Захочешь жениться — так лучше
не пробуй.
— Да как-нибудь женим...
— Потерпишь...
— Крепись.
Морозным дыханьем палило им лица,
И ветер выхватывал их из дверей.
Но сила святых комсомольских
традиций
Вела их по Долгой горе.
Здесь просеку вместе они пробивали,
Боролись с капризами злюки-пилы.
Жених здесь к фуфайке напарницы
Вали
Приклеил подснежник
На каплю смолы.
А просека в мутное небо врезалась,
И полой водою катила пурга.
С боков ледящего, жгучего вала
Таежные высились берега.

А посередине тревожного гуда
Оледенелые ныли столбы.
И в вихрях, мерцали фарфоровым
чудом

Литых изоляторов
Белые лбы.
У хлопцев хватает упорства и силы.
С такими беда не беда.
Дорогу шлагбаумом им преградила
Сосна,

оборвавшая провода.

Ремни затянув на фуфайках потуже,
Двое взбираются на столбы.
И лица палит приполярная стужа,
И рядом тайга поднялась на дыбы.
А ноги ледышками стыли в штиблетах.
Легко ли в штиблетах в пургу?
В них только весенним рассветом
С любимой бродить на лугу.

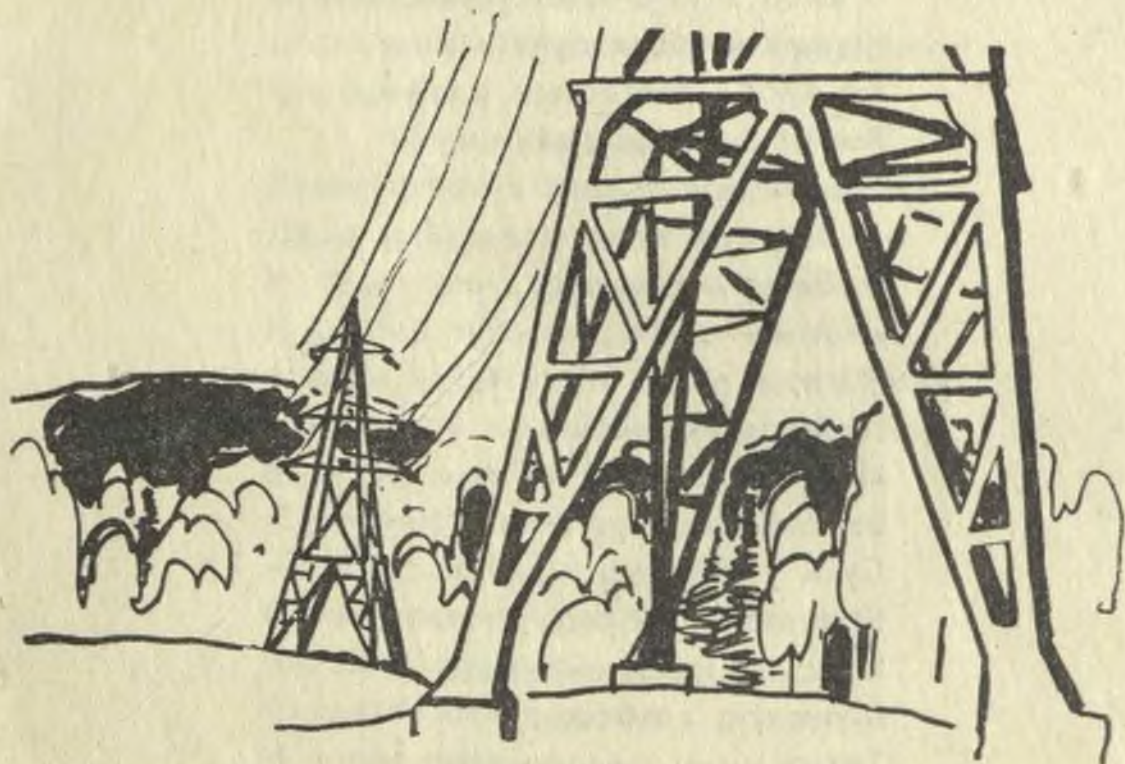
— А ну, приземляйтесь! —

С веселостью ярой
Им лица товарищи трут.
Снимают ремни с них.
И новая пара
Воюет за свет.
На весу.
На ветру.

Три раза качнулся фонарик.
И, словно сигналу в ответ,
Плеснули огни Качканарья
До неба ликующий свет.
И легкие, светлые блики
Упали на лица ребят,

Таких по-земному великих,
Им даже не сыщешь наград.
Пурга не преграда отважным.
Идут, как ходили отцы,—
Враги глухоманных пейзажей
И новых пейзажей творцы.
И пусть им по горло заботы,
И надо вставать по утрам,
Но все ж позавидует кто-то
До крови растертым щекам.
Ввалились в общежитье
С шумом и гамом.
— Ботинки тащите!
— Вместе с ногами...
— Мы — сами...
Но куда там!
Поспорь попробуй.
И, ахая, девчата
Взялись за обувь.
Суши у хлопцев очи.
Крепятся храбро.
Всяк показать не хочет
Мужскую слабость.
Тепло им и радостно.
В избе уют.
И сорокаградусной
Им ноги трут.
Ребята ожили.
Смотрят хитро.
— Ну, что же вы, что же вы
Изводите добро?
— Да хватит зам! Хватит!
Хватит и во внутрь...

Целуют их девчата.
Целуют и ревут.
Тихи и обморожены,
Не чувствуют хлопцы,
Что падают на кожу им
Соленые хлопья.

сердце осталось там

Дверки резко захлопнулись. Автобус тронулся с места. Владимир не хотел признаться самому себе, что отступил. И все-таки...

Он коснулся горячим лбом скользкой обшивки автобуса. Видно, поднялся жар. «Может, остановить машину? Вернуться к ребятам?» — вяло подумал Владимир. Точно из космоса, донесся тихий, печальный голос: «Может, не надо, Воля?» — Так зовет его только Аркадий.

Мокрый снег слепил окна. Размеренно чакал «дворник» на ветровом стекле. Владимира бил озноб.

А кажется, еще недавно таяли снега и было все иначе.

* * *

...Какие сборы у восемнадцатилетнего парня? Мать положила самое необходимое. Новые рукавицы и кусачки арматурщика он сунул в карман.

Двенадцать парней ехали в новую жизнь. Конечно, с ними Владимир и Аркадий. Ехали в поезде. Всю ночь пели песни, шутили. Кто-то спросонья упал с полки.

В Нижней Туре погрузились в машину, крытую черным брезентом. Ее называли душегрейкой, а за билет содрали шесть пятьдесят. У ребят были рюкзаки да «авоськи», а у Владимира, как назло, — чемодан. Шофер придрался.

— Плати за багаж.

— Да ты что?..

— У нас порядок, у нас закон. Дети с семи лет обилечиваются взрослым билетом, на вещи габаритом 35 на 55 требуется билет... Видишь, какая картина...

— Не спорь, не спорь, а то высадят, — тыкал в бок Аркадий. — Черт с ним, с габаритом...

Машина шла ровно и быстро. Трясти начало внезапно, словно кто собрал все кюветы и кинул их под колеса. Все торкнулись головой о брезент. Кто-то из пассажиров с ехидцей заметил: «Качканар привет передает».

Ехали в темноте, а тут вдруг развиднелось. Владимир посмотрел в узенькое оконце. На покосах пестрели проталины. Обнаженные и стыдливые, стояли березы в ожидании листвы. Снег оседал, ноздрился. Природа жаждала солнца, чтобы закипеть, забурлить апрельской распутицей. И как-то не вязалось ее пробуждение с разбитой дорогой и едкой до тошноты гарью «душегрейки».

О встречах добровольцев Владимир читал в газетах. Обычно писали, что гремел оркестр, и кто-то из начальства произносил речь. Правда, иногда оркестр не упоминался, и Владимир считал, что так, пожалуй, и лучше. Приезжают парни укладывать бетон, вязать арматуру, одним словом, строить. К чему оркестр? Что они, артисты? Смешно... Вот доброе слово услы-

шать, вроде рекомендацию получить в жизнь — это пожалуйста.

А было все по-другому. Грязная улица с невысокими дощатыми домами, толпа людей в ожидании обратного рейса автобуса и первая рекомендация шофера:

— Газуйте в столовку, а то закроют...

Одиннадцать бросили на плечи рюкзаки, двенадцатый подхватил чемодан — и в столовую.

Потом они ходили по поселку. Строятся дома, торчат пни, какой-то всеобщий хаос. И все-таки понравилось. Чем? Дерзостью! Здорово отбросили тайгу. И Качканар возвышается, как вулкан. Только не курится дымка над ним.

Взойти бы туда...

Володька был исследователем. С шестого класса пошел работать. Хотелось все узнать, пощупать своими руками. Два года провел на стройке в Реже. Научился вязать арматуру, да так ловко, что его признал даже Аркашка, большой «спец» в этой области. Признал и безропотно подчинился. Потом они вместе «вкалывали» на заводе. А когда снова потянуло в неизведанные края — собрались на стройку. Вот они, эти края! Смотри, Володька, радуйся. Здесь признают одну романтику — труд. Засучивай рукава — и за дело. Случаем встретишь беду — не согнись. Победишь — ляжет на сердце добрая память о дерзкой юности... А теперь давай в отдел кадров.

Там ждали люди. Все приезжие. Мрачно молчали. Подошел высокий, грузноватый мужчина. Громко спросил:

— Значит, приехали? Откуда? Режевские... Ну, — повернулся и пошел прочь. Владимира удивил

его голос — без интонации, с ударением на каждом слове. Брови сурово нахмурены, а глаза добрые, отцовские. Владимир решил подойти к нему, спросить, куда лучше устроиться, но Аркадий дернул за рукав: «Очередь!»

Ох! Лучше бы ее не было. Не приняли. Представляют? Говорят: «Опоздали, ребятки. Мест нет в общежитии. Через месяц — милости просим». Они вышли из комнаты.

— Через месяц, через месяц! — передразнил Владимир. — Так мы ноги протянем за месяц-то...

— Домой? — спросил Аркадий.

— Не смейся...

Присели на лавку. В комнате напротив звонили телефоны. Голос без интонации спрашивал, отдавал приказания. Ребята закурили. Мужчина вышел в коридор. Увидев парней, спросил:

— Что? Не приняли? Приходите еще. Каждый день убывают — прибывают. Ждите. Да...

Так и сделали. Дежурили по-одному. Раз Аркадий зевнул: освободились две койки, но их перехватили. Владимир стал дежурить сам.

На пятый день — удача: один пришел рассчитываться. Володька — за ним. Спрятался за спину, ждет. Начальник отдела кадров устало задал трафаретный вопрос:

— Как фамилия?

— Бетховен, маэстро...

Володька прыснул в кулак, за что парень наградил его тумаком. Начальник спохватился:

— Бросьте разыгрывать цирк! Уезжаешь?..

— Представьте. А мою кровать прошу вот этому патриоту, — парень сделал шаг в сторону.

— Опять ты? Ладно... Фамилия?

— Тимкин, девятнадцать лет, русский. Пожалуйста, возьмите и друга. Устроимся...

— Где он?

Аркадий, словно призрак, появился в дверях. Парень весело следил за происходящим. Кажется, ему все это было знакомо.

— Ты давай к нам, в «Кастрюльмонтаж»...

— Куда?

— Вот темная личность! В сантехники...

— Нет, я — в трест.

— Выдумал, это же «Качканаррудстрой»: хошь — работай, хошь — стой. Нет? Ну, бывай...

Вся бригада состояла из новичков. И бригадир — свой парень. Михаил Руднев. Строили производственную базу. Собственно, участие их в строительстве было довольно странным. Может, оттого, что большинство из них не имело специальности, мастер Тараканов, — маленький толстый человек, — помыкал ими, как хотел. Наряды не выписывал, а работу давал ту, от которой отказывались другие бригады. То пошлет копать землю. Копают, не куражатся. Через час идут разгружать вагоны с песком. Иногда привозят бетон, а бетонщики ушли — кладут бетон. А нарядов на все это нет, Тараканов закрывает их в конце месяца. Владимиру сразу не понравилась такая работа.

— Не пойдет так! — сказал он однажды мастеру.

Тараканов поднимал над головой мясистый указательный палец и торжественно говорил:

— Кто вас послал? Комсомол! Что вам говорили? Не бойтесь трудностей! А вы?.. — и, довольный произведенным впечатлением, покидал площадку.

Однажды, проходя мимо, мастер заглянул в бригаду.

— Мое почтение! Как могло-работалось?

— Надо бы хуже, да некуда, — буркнул бригадир.

— Ну, ладно. Продолжайте в том же духе, — он повернулся, чтобы уйти. Владимир преградил дорогу:

— Как закроете наряды, Аполлон Исидорыч?

— Порядочек! Да ты что, Тимкин, Тараканова не знаешь?

— Потому и спрашиваю. Отвечайте!

— Саботаж! Не позволю!.. А ты, Тимкин, смотри! — и Тараканов затрусил прочь.

Пожаловался Владимир в комсомольский штаб. Вызвали Тараканова, предупредили, а он, к удивлению всех, еще больше распоясался. Руднев махнул рукой: «Не связывайся! Режет наряды, подлец, сознательно». Одни поддержали Владимира, другие — наоборот:

— Что тебе, больше всех надо?

Но Владимир не послушался «разумников», на профсоюзном собрании снова выступил против Тараканова. Высмеял его задания — перекладывать кирпичики с места на место. Требовал настоящей работы. Пусть даже землю копать, но чтобы осмысленно.

Тараканов смолчал. Но при встрече усмехнулся со злом и многозначительно постучал пухлыми пальцами по синей папке с тесемками. Мол, все в моей власти.

В одиночку дрался Владимир. Аркадий не в счет. Тот презирал мастера молча. Владимир возмущался:

— Ну, что ты молчишь? Нас оскорбляют, а ты молчишь!..

— Я презираю...

— Плевал он на твое презрение. Драться надо, понимаешь?

* * *

По-детски доверчивые кроны берез уже позолотила осень. Перепадали дожди, и туман не покидал низины даже днем. Качканар укрылся пеленой грязновато-серых облаков. Смолкли разноголосые говоры тайги. Приглушенным стал шум стройки.

В эти дни Владимир и еще несколько ребят жили в совхозе, на уборочной. Раз надо, так надо. Не отказывались. Только обидно, что посылал их опять Тараканов. Словно наказание выносил. Ткнул синей папкой в грудь: «Ты, ты и ты, Тимкин». Аркадий сказал:

— Пиши и меня.

— Ах, значит, вы заодно? Хорошо, и ты...

Копали картофель, подвозили к скотным дворам солому. По субботам приезжал Тараканов, что-то проверял, записывал и прятал в синюю папку. К группе Тимкина Тараканов не мог придраться, как ни старался. Ребята работали хорошо.

Здесь-то и произошла новая стычка с мастером, которая так изменила весь ход жизни Владимира Тимкина.

Провожали в армию парня из бригады. Часов в двенадцать закончили работу и собрались за столом. Подняли тост за парня: служи честно! Подняли второй — за стройку. А за вторым — третий: за жизнь. Потом пели и грустную «Рябинушку», и мужественную «Комсомольцы-добровольцы».

Обнялись на прощание. Все-таки свой парень, режевской. Проводили до машины. Тут их и увидел Тараканов.

101
7/57/18

— Пьянствуешь, Тимкин? Молодежь спаиваешь? Только бы сдержаться, смолчать, сказать что-нибудь презрительное...

Сорвался. Все перевернулось в душе. Выхватил ненавистную синюю папку и бросил под колеса машины. В это мгновение машина тронулась. Владимир схватился за борт и перемахнул в кузов. Кто-то еще ухнул на дно кузова. Владимир посмотрел под ноги. Потирая ушибленное колено, недоуменно смотрел на друга Аркадий...

* * *

— Отец! Да иди же сюда! Володя вернулся... А как вырос, загорел... — Мать обняла его голову. — Мальчик мой, у тебя же температура. Быстрее раздевайся! Андрейка, беги к соседям, попроси малинового варенья, у них есть.

Белоголовый мальчишка накинул на плечи шубенку и выскочил в сени. Из комнаты вышел отец, с газетой в руке. У него, кажется, прибавилось сединок.

— Ну, привет, качканарец! И вправду возмужал. А чего раскис? Накормить бы его сначала, мать, да и по стопочке пропустить. Такой случай...

— Ты отпил свое...

— Понимаешь, Володя, запретили. А ты что, в отпуск? Рановато как будто. Сколько уже живешь на Качканаре?

— Семь месяцев.

— Смотри, как время идет! Ну, отдыхай. Завтра поговорим.

Отец ушел, а Владимир не мог представить, что он завтра скажет отцу. Мать тепло укрыла его. Андрейка

подал горячую кружку чая с вареньем и облизнулся.

— Ешь, Андрейка, я не хочу.

— А ты Расскажи про Качканар. Нам в школе говорили. Он большой? А медведи там есть?.. А что там будет?

— Комбинат, руду обогащать.

— Как это — обогащать?

— Долго рассказывать. Потом.

Мать еще некоторое время сидела в изголовье и шершавой рукой гладила его волосы.

— Хорошо у вас, мама, покойно, — тихо сказал Владимир.

— Может, приедешь насовсем?

«Да я вот и приехал», — подумал Владимир. И его вновь охватила тоска.

Утром вся семья Тимкиных собралась за столом. Только Андрейка умчался в школу. Пришел с работы старший брат Михаил, недавно демобилизовавшийся из армии.

— Как жизнь, качканарец? А я думал, не махнуть ли к тебе?

— Ты объясни, что за комбинат вы строите? — спросил отец.

Стараясь не выдать волнения, Владимир стал рассказывать. И чем дальше он говорил, тем тревожней становилось на душе. Покинуть такую стройку! Почему так случилось, что именно Тараканов затмил ему все? Ведь он видел сотни счастливых ребят. Да разве и сам он не работал с радостью и упоением, когда дел было по горло? В такие дни он с особенным удовольствием снимал просоленную потом рубашку и блаженно плескал на себя воду...

Отец смотрел на пылающее больным румянцем

лицо сына и смутно улавливал за словами рассказа тревогу и волнение.

— А ты не разочаровался? — вдруг спросил отец.

— Нет.

— А я где-то читал, что разочарование — свойство слабых, — отец вышел из-за стола. Владимир, не поднимая головы, грустно признался:

— Уехал я с Качканара, насовсем...

* * *

А сердце осталось там... Бывает, споткнешься где-нибудь и придумаешь себе оправдание. Успокоишься. Но сердце не обманешь. Оно стучит тревожно день и ночь. Сложная эта штука — сердце.

По утрам Владимир включал радио, и диктор читал: «Сегодня на Качканаре». Газеты наперебой писали каждый день о жизни и делах строителей. Одно слово «Качканар» вносило в сердце бурю сомнений. Он и не подозревал, что так привязан к стройке. Да, сердце было там...

Отец видел, что происходит с сыном, но разговора больше не начинал. Казалось, он предоставил Владимиру все решить самостоятельно. Только однажды сказал:

— Есть мудрые слова: береги честь смолоду!

Нетрудно было догадаться, чего он хотел.

Думал... Чтобы больше не колебаться, поступил на завод слесарем. Все, что бы ни делал, невольно сравнивал с прежней работой: «Нет, на Качканаре иначе».

И тосковал. Ночью снился грохот, шум компрессоров, даже Тараканов с его неизменной синей папкой...

Однажды к нему подошел комсорг:

— На комсомольский учет когда встанешь? — Владимир отшатнулся, ответил что-то невразумительное.

Дома его ждало письмо. На штемпеле — «Качканар». Писал Аркадий: «Новостей много. Ты, наверное, порадуешься. Сначала — сняли Тараканова. Только ты уехал, ребята пошли в партком. Там разобрались. На собрании рассказали, как случилось с тобой. Тараканов грозил, кричал, но его все-таки сняли. Теперь ходит почему-то с красной папкой. А работаем мы арматурщиками на заводе стройматериалов. Знаешь, наша любимая работа, да и заработок приличный. Может, приедешь, Воля? О тебе помнят. Правда, ругают. Говорят — трусил. А ты приезжай».

Владимир расстегнул ворот рубашки, чтобы легче дышалось. Он снова и снова перечитывал бесхитростные строки. Лицо горело, словно свежий ветер отхлестал его своими ручищами...

* * *

Прошел год. Недавно я снова побывал на Качканаре. Встретил и Владимира. Он работает бригадиром арматурщиков. Вспоминает о старом неохотно. А когда узнал, что я хочу написать о нем, просил не упоминать фамилию.

люди огня и грома

1. ПРОСТРЕЛ

Я привез взрывчатку.

— Василий Павлович! — позвал меня мастер Сергей Кузмич. — Ты не очень устал?

Меня порядком помотало сегодня. Дороги в тайге никудышные — нырок на нырке.

— Да не очень, чтобы очень, — ответил я Миرونу, потирая онемевшую поясницу.

— Буровикам надо помочь...

Я мог отказаться. Свое я уже отработал. Но на участке никого больше не было — ребята отдыхали после массового взрыва.

— Сходи, — попросил меня мастер, — простреляй им скважинки.

Я вешаю на плечо сумку с аммонитом и иду в карьер. Он лежит у подножия Качканара, на горе Гусевой, и похож на огромный желоб, уступами опускающийся на глубину сто метров. В траншеях стоят экскаваторы, а на уступах — станки канатно-ударного бурения. Издали экскаваторы напоминают корабли, а станки похожи на зенитные орудия, нацеленные

стволами в небо. По высокой мачте ходит буровой снаряд. Слышатся частые отрывистые удары. Два станка замерли, вонзив в гору двухтонные железные штанги. Машинисты сидят на камнях и курят.

— Давай, сапер, выручай! — поднялся один из них и повел меня к станку.

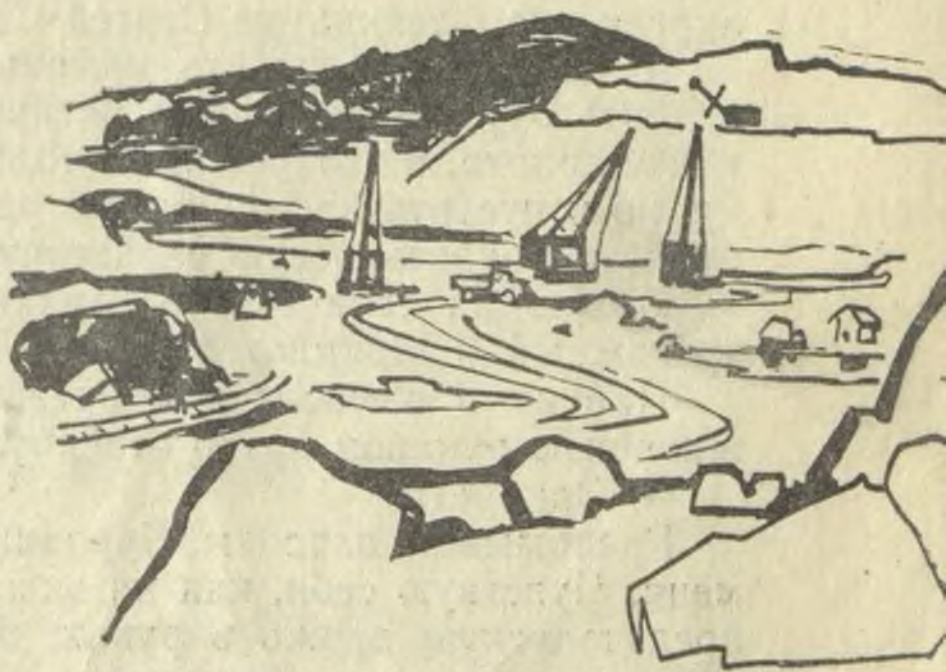
Буровой снаряд наткнулся на слой твердой породы, и скважину перекосило. Снаряд, скользя по камню, начал уходить в мягкий слой, лежащий рядом с камнем. Я нагнулся над скважиной, вынул зеркало. До камня было метров четырнадцать.

— Ты мне тут, сапер, скважину не развори, — как бы отгадывая мои мысли, сказал машинист. — Уже две смены здесь долбим.

«Шесть килограммов хватит», — думаю я, раскрывая сумку.

Беру две пачки аммонита, связываю их детонирующим шнуром и на веревке опускаю в скважину. По натяжке шнура чувствую, как заряд ложится на камень.

Буровики отходят на безопасное место. Через несколько минут раздается глухой взрыв. Подходим к дымящейся скважине. Машинист включает мотор и начинает проходку.

Иду к другому станку.

Машинист — мой старый знакомый Михаил Ильич Ческидов. Это большой непоседа. Где он только не был: на Дальнем Востоке, на Камчатке, в Сибири, на Урале... Здесь, на горе Гусевой, он начал свою работу с топором в руках, рубил лес.

— Давай скорее, Вася! — поторапливает меня Михаил Ильич.

Здесь дело посложнее. Буровой снаряд заклинило осевшей глыбой. Направляю зеркалом солнечный зайчик в каменную «норку». Глыба застряла у самого конуса долота, на глубине 15 метров. Это ребристый выщербленный габбро. Он твердый, как железо.

Не раз уже приходилось мне освобождать бурснаряды. И всегда я волнуюсь, начиная эту работу.

— Взрывчатка в руках у хорошего взрывника, как скальпель в руках хирурга, — вспоминаются слова моего преподавателя в Нижне-Тагильском горнометаллургическом техникуме Сергея Сергеевича Борисова.

Я должен раздробить камень так, чтобы не повредить бурснаряд. Можно погнуть штангу и сорвать конус долота, а это значит не только повредить технику, но и пустить насмарку всю работу буровиков. Им придется бурить новую скважину.

Ловлю на себе взгляд Михаила Ильича. Взгляд тревожный и выжидательный.

Парень в замасленной брезентовой робе с прожженным рукавом круто отвернулся и махнул рукой.

— Запорет!

Разламываю патроны. Буровики молча смотрят на меня. Чувствую себя, как на экзаменах. Чтобы унять предательскую дрожь в руках, прижимаю патрон к бедру и начинаю закупоривать.

— Отойдите подальше!— приказываю буровикам. Вынимаю спички. Чиркаю. Отлетает головка. Беру другую спичку. Руки влажные. Брызнули искры из среза огнепроводного шнура. Раздается взрыв.

— А ну, пробуй!— кричу Михаилу Ильичу.

Он поднимается на рабочую площадку, включает мотор. Скрипит, натягиваясь, стальной трос. Штанга медленно вылезает из скважины. На ней поблескивают царапины от камней.

Мы не сводим с нее глаз. Ждем. Вот она, покручиваясь, медленно повисает над скважиной. Кажется, все в порядке. Я смахиваю рукавом пот с лица и закидываю на плечо свою сумку.

— Спасибо, сапер! — машет мне на прощание рукой Михаил Ильич.

Спускаюсь с горизонта. Бурильщики, о чем-то разговаривая между собой, идут к станкам. Парень с прожженным рукавом, схватив ведро, бежит за водой.

На дороге урчит самосвал. Оглядываюсь по сторонам. Всего лишь сутки я не был здесь, а карьер будто стал шире. На горе вырисовываются контуры нового горизонта.

— Эй, артиллерия! — притормаживает огромный двадцатипятитонный самосвал шофер в армейской фуражке, Саша Логинов.— Садись, подвезу!

Показываю ему сумку со взрывчаткой.

— Нельзя мне...

— Не хочешь ездить, топай пешком! — кричит Саша, захлопывая кабину.— Спешу. Пошел на двадцатую ходку!

— Двадцатая ходка, — прикидываю я. — Пятьсот тонн! Вот это техника!

Смотрю на удаляющийся «четвертак». В кузове его навалены глыбы камней.

Устало бреду по укатанной машинами дороге и все еще вижу те два камня, которые раздробил сегодня.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Настроение у меня прекрасное. Мы получили взрывчатку и возвращаемся домой. В колонне — три автомашины. У каждой на борту кузова красный флажок. Над кабиной фанерный щит с надписью «опасно». Борта по диагонали перечеркнула красная полоса. Машины закрыты брезентом.

Мы везем опасный груз. Встречные машины почтительно жмутся к обочинам, уступая нам дорогу.

Я еду в голове колонны. За рулем Александр Лобастов. Дорога петляет по тайге. Шуршат под колесами желтые листья. Деревья уже тронуты дыханием осени.

«Ой, рябина-рябинушка», — напеваю себе под нос.

Бросаю взгляд на шофера. Он не разделяет моего веселья. Хмуро крутит баранку, то и дело косясь на Медведь-гору, по своей форме напоминающую хозяина тайги, присевшего на задние лапы. С лохматой спины зверя сползает большая серая туча. Теперь мне понятно волнение Александра... Если до дождя не успеем проскочить болото, придется заночевать в тайге.

— Тут в хорошую-то погоду не знаешь, выберешься или нет, — ворчит шофер, резко переключая скорость. — Попробуй, уложись вовремя...

Провожая нас, начальник участка наказывал поторапливаться. Перед нашим отъездом буровики

уже заканчивали последние скважины. А склад пустой. Если мы опоздаем, ребята всю смену просидят без дела. Сорвется план вскрыши...

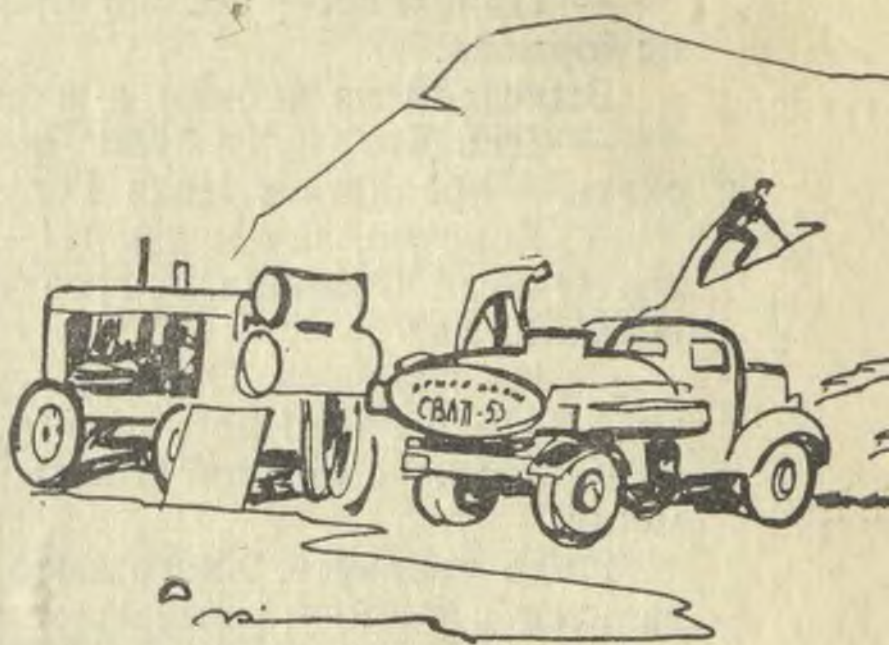
Лобовое стекло будто запотело. Заблестели первые капли дождя. Меня резко бросает из стороны в сторону, стучаюсь головой о потолок кабины. Александр жмет «на всю железку».

Я открываю дверку, оглядываюсь назад. Следом за нами идет машина Ивана Голубева. Молодец, Иван, не отстает. А вон и третья машина выскакивает из-за поворота.

Шофер включает «дворник». Взбираемся на бугор, разбрызгивая лужи. Грязь летит на лобовое стекло. По кабине будто бьют из брандспойта. Перед нами сплошная завеса воды.

Лес редет. Скоро болото. Темнеет. Александр включает фары. Луч света начинает судорожно метаться по лужам. Дорога исхлестана колесами машин. Натужно ревет мотор.

Впереди что-то чернеет. Подъезжаем ближе и видим пятитонный «МАЗ», свалившийся в кювет. Нос его уперся в борт другой машины, развернутой поперек дороги. Пробка!

— Приехали! — мрачно бросает шофер, нажимая на тормоза.

Вылезает из кабины и идем осматривать дорогу.

— Давайте попробуем по старой дороге объехать, — предлагает Иван Голубев.

— Конечно, зачем стоять! — горячо поддерживает его Ованес Симонян, шофер третьей машины. — Ну, поехали, да?

— Не горячись, Ованес, — удерживает его Лобастов. — Надо посмотреть дорогу.

— Зачем смотреть? Ехать надо! — кипятится Симонян.

Надо рискнуть. Иного выхода у нас нет. Лобастов садится в кабину и выезжает на старую дорогу. Машина медленно, будто на ощупь, пробирается между темными кустами. Останавливается, колеса пробуксовывают. Мы подбрасываем в колею ветки деревьев. Удастся продвинуться еще на несколько метров вперед. И в самый последний момент, когда мне уже кажется, что опасный участок пути миновал, машина резко оседает кузовом.

— Вай-вай, на дифер сел! — хватается за голову Ованес. — Зачем так ехал?

Я не успеваю ничего сказать, как он бросается к своей машине и летит прямо на нас, подминая березки. Я отскакиваю в сторону, облитый грязью. И пока протираю глаза, Симонян успевает проклясть тайгу, грязь, дорогу, взрывчатку, Качканар и меня.

О том, чтобы выбраться ночью, нечего и думать. Назначаю охрану и предлагаю всем отдохнуть до утра. Разжигаем костер метрах в ста от машин. «Как же будем выбираться?» Эта мысль не дает мне покоя всю ночь. И как только забрезжил рассвет, иду ра-

зыскивать трактор. На наше счастье, деревня оказалась неподалеку. Узнав, что мы из Качканара, директор совхоза без разговоров дает нам трактор.

Дождь перестает. Тяжелый туман ложится на тайгу. Заслышав гул трактора, Ованес бежит нам навстречу.

— Давай сюда подворачивай, товарищ! — вынырнув из тумана, радостно машет он кепкой трактористу. — Совсем замерз...

Подцепляем машину Лобастова и без особого труда вытягиваем на твердое место. Ованес хватает трос и тащит к своему «ЗИЛу».

— Вот это забурился! — качает головой тракторист.

— Ничего, маленько продернешь, вылезу! — кидает Симонян, открывая кабину.

Взревели моторы. Трос натянулся, как струна. Трактор скребет гусеницами землю, не двигаясь с места. Летят ошметки грязи. Мы окружаем машину Симоняна и, стараясь помочь трактору, выталкиваем ее руками. Но она еще больше грузнет в болоте...

Опять беремся за лопаты, потом начинаем устилать дорогу ветками деревьев.

— Давай еще машину запрягай! — суется больше всех Симонян, успевший выпачкаться в грязи с головы до ног.

Подцепляем впереди трактора «ЗИЛ» Лобастова. У машины Симоняна отлетает прицепной крюк.

— Вай, вай, вай! — выскакивает он из кабины.

Я вижу, что машину нам не вытащить. Провозимся с ней без толку. А время идет...

— Давайте, ребята, перетащим машину Голубева, а эту будем разгружать, — предлагаю я.

— Зачем разгружать? — мечется Симонян. — Сама пойдет!

Подцепляем машину Голубева, перевозим ее через болото и начинаем разгружать машину Симоняна. А в ней — четыре тонны. Носим мешки метров за сто, хлюпаясь в грязи, складываем на другие машины.

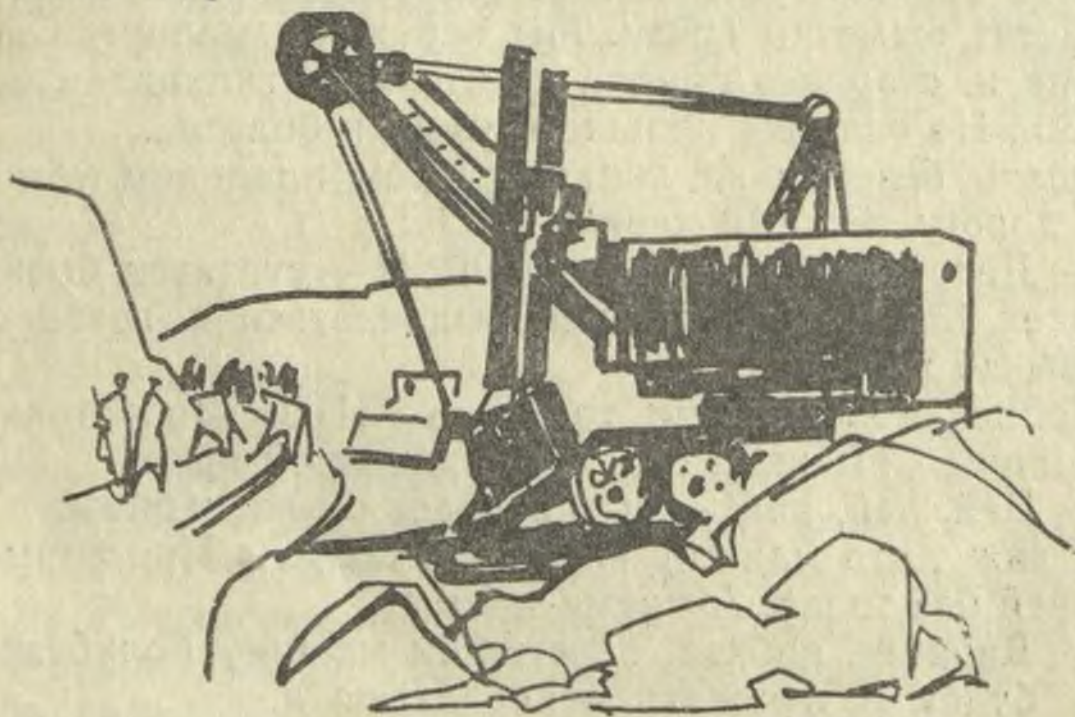
— Теперь пойдет, сама пойдет! — заверяет нас Симонян.

Тянем тройной тягой и кое-как вытаскиваем, наконец, машину из болота. Снова перебрасываем мешки.

— Ну, спасибо тебе, друг! — жмет руку трактористу Ованес. — Выручил.

К обеду добрались до дому. В карьере нас встретил начальник участка. Поглядел на заляпанные грязью машины, на измученных людей и понял, что поездка была не из легких...

— Молодцы, ребята, — сказал он просто. — Давайте скорее на блок!

* * *

— Почему ты на пять минут опоздал?
Какой же ты к черту рабочий?
Он скомкал берет и сказал, что проспал —
Вчера засиделся за полночь над строчкой.
— Знаем мы цену любому труду.
А ну-ка, прочти, послушаем,
Может быть, пишешь ты ерунду,
Себя лишь напрасно мучаешь?
В стихах его есть железо и сталь,
Семилетка в пять лет грохочет.
Он выложил, как обточенную деталь,
Потом и солью пропахшие строчки.
— Ну что же, неплохо. На смену иди.
А вслед напрямик, по-рабочему:
— И больше чтоб это... вовремя приходи.
А вообще молодец — работаешь сверхурочно!

СНОВА В СТРОЮ

С Анатолием случилось несчастье. Причиной была радиолюбительская страсть. Он ставил антенну на стадионе и сорвался с большой высоты. Надолго слег в больницу. Врачи определили повреждение позвоночника и пролом черепа.

Друзья не оставляли Анатолия. Часто бывали в больнице, а еще чаще стали навещать дома. Врачи говорили, что это послужило самым действенным лекарством.

Анатолий знал все, чем живет Качканар. Утром он просыпался от гула машин. Это уезжала утренняя смена. На плотину, в карьер, в железнодорожный цех, в котором работал Анатолий. Он представлял, как сидят, тесно прижавшись друг к другу под фанерным козырьком кузова его товарищи, еще не успевшие стряхнуть сон. Зябко ежится, подняв воротник пальто, Женя Ухналь, который засиделся вчера у Анатолия дольше всех. Как хотелось Анатолию сейчас быть рядом с друзьями...

А Качканар с каждым днем все свободнее расправлял свои могучие плечи. В карьере ребята, содрав каменный панцирь с горы, добрались до руды. Вчера шоферы говорили, что руду уже начали возить на склад.

В этот вечер в квартире Анатолия, как всегда, было шумно. Друзья рассказывали последние новости. На станцию пришли тепловозы. Их надо перебросить в карьер, а железная дорога еще не готова. Директор комбината говорил, что тепловозы должны быть в карьере обязательно до наступления лета. Разольется речка Выя, и тогда жди следующей зимы. А железнодорожники прокладывают ветку в карьере. Вагон-самосвал (думпкар) заменит четыре двадцатипяти-тонных «МАЗа».

Ночью в глазах Анатолия долго стояли эти тепловозы. Он видел их синие бока, тускло поблескивающие между деревьями, ощущал большую мощь, сосредоточенную в моторах. Воображение рисовало ему картину знойного лета. В воздухе кружится пушинка одуванчика и медленно опускается на спину тепловоза, по которой чинно разгуливает воробей. Могучие машины в своем вынужденном бездействии напоминали Анатолию его собственную судьбу с той лишь разницей, что они были совершенно «здоровы»...

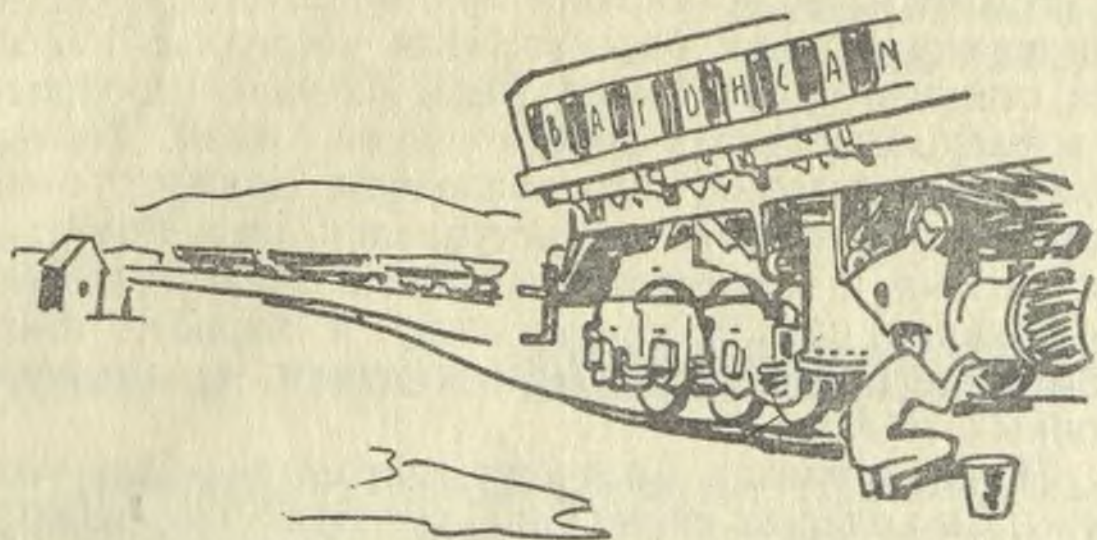
Начальник железнодорожного цеха Самойлов рылся в бумагах, ворохом лежавших у него на столе, когда на пороге появился Анатолий.

— А, Шалагинов! — приветливо произнес он, оторвавшись на секунду от бумаг. — Заходи, заходи. Только извини, брат, подождать тебе придется маленько. Чертежник вот один не могу найти, а пока на него не взгляну, не смогу отключиться. Дело тут у нас очень серьезное.

— С тепловозами? — спросил Анатолий, зажимая коленями свой костыль.

— Да, да.

— Тогда и я к вам по этому же самому делу.

А через час машинистка уже печатала приказ: «Назначаю Шалагинова А. С. бригадиром по транспортировке тепловозов в карьер...»

Так в железнодорожном цехе появилась новая должность, не предусмотренная штатным расписанием: «Бригадир по транспортировке тепловозов». Машинистка, печатавшая этот приказ, недоуменно пожала плечами и побежала к начальнику справиться, нет ли какой ошибки. Ведь до карьера не меньше десяти километров, и железная дорога туда еще не проложена.

— Волоком, что ли, потянете? — удивилась она.

— Волоком, — засмеялся начальник.

Анатолий шел к начальнику не с пустыми руками. В голове у него уже созрел определенный план. Он вспомнил, как в детстве катался с горы на лотке — широкой плахе, снизу покрытой льдом. Любой сугроб был не страшен. Даже по рыхлому снегу свободно проскочишь. Только сзади гладкая полоса остается, как на простыни след от утюга.

Нечто похожее на эти лотки видел потом Анатолий в леспромхозе — сани на широких полозьях из листового железа, на которых перевозили огромные штабеля леса.

Инженеры ухватились за предложение Шалагинова, но внесли некоторые поправки. Вместо широких полозьев, решили сделать у саней сплошное днище. Площадь опоры тогда возрастет, и сани меньше будут вязнуть.

«Лоток» получился увесистый — 27 тонн. А тепловоз весит 130 тонн. Какую же надо силу, чтобы перебросить эту махину? Прикинули. Десять тракторов. Шесть Т-100 взяли и четыре Т-140. 1260 лошадиных сил. Хороша упряжка!

Пока делали сани, бульдозеры расчищали дорогу. Начальник железнодорожного цеха прошел с трактористами до карьера, намечая самый короткий и удобный путь. Старались избегать поворотов. Большая часть трассы прошла вдоль линии высокого напряжения.

Надо было пересечь Выю. Это оказался самый трудный участок. Лед, конечно, не выдержит. Как быть? Строить мост? Долго и дорого. Решили наращивать лед. Навалили деревьев. Облили водой, заморозили. Потом еще положили слой деревянной арматуры и снова спаяли льдом. Получился крепкий ледяной «бетон».

Сани подвезли к тупику, положили на них рельсы и затянули тепловоз. Укрепили колодками, привязали тросами. Завтра можно трогаться в путь. Анатолий еще раз прошел по трассе. Повседневные хлопоты заставляли забывать о тяжелом недуге. Болезнь отступала под натиском железной воли и радостного трудо-

вого возбуждения. Анатолий преобразился. На щеках заиграл румянец, в глазах появился прежний задорный блеск. Анатолий снова был вместе с друзьями.

В этот день железнодорожная станция выглядела так, будто здесь провожали какого-то большого почетного гостя. Чуть не весь Качканар собрался. Постукивая костылем о твердый снег, Шалагинов деловито суетился возле тепловоза, проверял натяжку основного троса, который, как дышло, тянулся от саней к тракторам. Все как будто готово, но бригадир не решается дать последний сигнал. Проверяет еще и еще раз...

— Ну что, трогаем, Анатолий Сергеевич? — спросил у него начальник цеха.

— Поехали! — решительно рубанул рукой воздух Шалагинов.

Смолкают все разговоры. Даже мальчишки притихли. Вытянув шеи, не сводят глаз с санного поезда. Взревели тракторы. Самойлов поднимает руку.

— Пошел!

Сани дрогнули и медленно поползли вперед.

— Пошел! Пошел! — радостно покатилося по толпе.

Мальчишки кинулись вслед за санями, проваливаясь в снег. Тепловоз, чуть покачиваясь, величаво плыл по дороге, приближаясь к лесу. А люди долго еще стояли на станции и смотрели ему вслед. Издали этот необычный караван напоминал ватагу черных муравьев, волочивших большую синюю гусеницу.

Начался спуск к реке. Трос стал заметно ослабевать. Сани, скользя с пригорка, чуть не врезались в замыкающий упряжку трактор.

— Сто-о-ой! — закричал Шалагинов, забегая в голову колонны.

Перепрягли тракторы. Впереди оставили только два. Остальные прицепились сзади саней, чтобы поддерживать тепловоз на уклоне.

К вечеру благополучно спустились к реке. Всех волновала мысль — выдержит ли ледяной мост? Должен выдержать.

Гусеницы первых тракторов заскрежетали по льду. Перевалили через реку. Наползают сани. Послышался глухой треск. Лед угрожающе застонал, оседая под тяжестью тепловоза, фонтаном брызнула вода из расщелины... Шалагинов весь сжался в комок, замер. Нос саней приближается к берегу.

— Порядок! — вырывается у него облегченный вздох.

Тракторист Сергей Комар, возглавляющий колонну, радостно улыбается, оглядываясь назад. Подает условный сигнал. Остановка.

— Перекурим, братцы!

На гору карабкались чуть не целый день. Не было слаженности у трактористов. Скорость у машин разная, не могли подделаться друг к другу. Чтобы преодолеть крутой подъем, шли наискосок. Сани стало заносить в сторону. Пришлось остановиться и насыпать снег.

Гора задержала на целые сутки. А когда ее перевалили, пошло легче. На третий день к вечеру добрались к месту стоянки и перетянули тепловоз с саней на рельсы.

— Лиха беда начало, ребята! — сказал Шалагинов, устало присев на пенек. — Теперь они покатятся, как по маслу.

Сани оставили за собой твердую ровную полосу, гладкую, как асфальт. Второй тепловоз переехал уже за двое суток, а третий — за восемь часов.

Тепловозы свалились на строителей железной дороги, как снег на голову. Надо было срочно готовить для них путь. Одним уралспецстроевцам это было не по плечу. Объем работ большой. Через несколько дней Анатолий Шалагинов заглянул в карьер и увидел, что рельсы продвинулись всего лишь на сотню метров.

«Если и дальше так дело пойдет,— подумал Анатолий,— долго еще стоять тут нашим тепловозам!»

К вечеру на одной из машин появился большой серый плакат: «Строители! Тепловозы ждут путь!»

Это было будто требование самих машин, недовольных вынужденным простоем.

Эксператоры в забоях карьера работали не на полную мощность. Не хватало транспорта. А у обочины дороги стояли стотонные думпкары. Ждали тепловозов.

— Поможем строителям дороги! — бросили ключ комсомольцы карьера.

На трассу вышли со своей техникой горняки и гидростроители. Дорогу поделили на три части. Последнее звено укладывали почти одновременно. Горняки закончили свой участок первыми, сложили инструмент и пошли на митинг.

— Вот как надо дороги строить! — подшучивали они над путеукладчиками «Уралспецстроя», устанавливавшими стрелочный перевод.

Толя Марыков сплеча забил последний костыль, поправил кепку, и тут взгляд его упал на плакат, намоливший глаза:

«Тепловозы ждут путь!»

— Ребята, разводи костер! — крикнул он и побежал к тепловозам.

Машины ожили. Глухой ритмичный рокот моторов сотрясал их железные тела. Толя заскочил на переднюю площадку, сорвал плакат и сбросил на землю. А через несколько минут плакат уже пылал в костре.

Неподалеку от костра на насыпи стоял Анатолий Шалагинов, опершись на тросточку, и улыбался.

ребята из одной комнаты

Пашка Сычев первым принял комнату от коменданта в новом общежитии. Потом приехали Вася Колмеец и Ленька Стручков. Меня подселили к ним последним.

— Принимай, Пашка, жильца, — сказала комендантша, указывая мне на свободную кровать у окна.

Пашка, видимо, пришел с работы. Под порогом стояли заляпанные грязью огромные резиновые сапоги, с которых натекала лужа воды. На вешалке висел промасленный ватник. Пахло соляжкой.

«Шофер», — подумал я.

Пашка сидел на кровати, свесив босые ноги, заросшие рыжей шерстью, и ужинал. На тумбочке перед ним лежали два круга колбасы и булка хлеба.

— Садись, — кивнул мне Пашка на новенькую табуретку. — Даю ужин в твою честь.

Есть мне не хотелось — хорошо пообедал на станции, ожидая автобуса на Качканар. Я разделся, сунул под кровать чемодан и, поблагодарив Пашку, сел рядом. Он к этому времени успел расправиться с одним кругом колбасы, даже не сдирая с нее шкурки, и принялся за второй. Хлеб он отламывал руками,

хотя нож лежал рядом. Комендантша сходила на кухню, принесла литровую банку воды и молча поставила на тумбочку.

— А эти соколики где? — спросила она, глянув на пустые кровати. — Небось, опять в Москву пиво пить улетели?

— В кино ушли, — пробурчал Пашка, прихлебывая из банки.

Комендантша поправила одеяло на одной из кроватей, велела мне располагаться, как дома, и ушла. Покончив с колбасой и хлебом, Пашка протянул мне пустую банку.

— Не в службу, а в дружбу, слетай за водичкой...

Я слетал. Пашка выпил воду залпом, крикнул и блаженно развалился на кровати. Под ним натужно звякнули пружины.

— Корова у нас сегодня в котлован шлепнулась, — начал он, безмятежно зевнув. — Чего ее, дуру, туда понесло?..

— Глубокий котлован? — спросил я.

— Да не особенно... Семьдесят пять метров.

И безо всякого перехода заговорил о другом.

— Полюбуйся, — показал он мне глазами на картину Шишкина «Корабельная роща», висевшую над его кроватью. — И так эти сосны за день глаза намоzoлят, а тут еще ночью на них любуйся. Ну, нет никакой у людей фантазии...

Я хотел ему что-то ответить, но Пашка уже начал сладко посвистывать носом. Короткие толстые пальцы сильных рук полусогнуты. Наверное, весь день сегодня ворочали баранку руля. Под кроватью поблескивает черным глянцем двухпудовая гиря.

«Наверное, крестится ею по утрам», — подумал я о Пашке, все больше проникаясь к нему уважением.

Раздеваюсь и ложусь в постель, достав из чемодана Бунина. Через час возвращаются, переругиваясь, Ленка с Васей.

— Ленка — это блеск, — доказывает Ленка, горячась.

— Не видел ты девчонок, Леня, — вздыхает Вася, сбрасывая рывком с ноги нерасшнурованные модные туфли. — Вот повезу я тебя летом в Таллин...

Они не замечают меня или делают вид, что не замечают. Оба невысокие, тонкие, жиденькие. У Ленки над верхней губой чернеют «пижонские» усики. Он первым удосуживает меня внимания. Видимо, для него это повод прекратить надоевший спор.

— Васька, в нашем полку прибыло!

— А чего ты молчишь, как рыба? — недовольно бурчит на меня Вася.

— А что мне, песни петь? — закрываю я книжку.

— Надо хотя бы представиться... по законам социалистического общежития.

Знакомимся. Называю себя.

— Пиво у вас в Москве толковое, — отмечает Ленка, плотоядно прищурившись. — Двойное — золотое, столичное, чешское, рижское, московское, жигулевское, ленинградское... Ух!

Он подошел к висевшему на стене динамику.

— Споем что-нибудь?

И включил на полную мощность. Заиграла музыка. Я посмотрел на Пашку.

— Его сейчас даже массовые взрывы не разбудят, пока он не отоспит положенные ему семь часов, — перехватил мой взгляд Ленка.

Вася принес чайник кипятку, заварил чай, открыл свою тумбочку, пошарил в ней и, ничего не обнаружив, полез в Пашкину. Извлек оттуда кусок корейки, банку с маслом и булку хлеба. Ленька вынул из кармана блокнот, прикинул, что это будет стоить, и сделал отметку в графе «долги». Он сидел рядом со мной, и я все видел.

— А вот эта штука у нас всегда водится!

Ленька достал из-под матраца бутылку кофейного ликера.

— Любим жить красиво, — пояснил Вася. — У тебя деньги есть? Одолжи на пару деньков, до получки.

Я дал им пятерку.

— А тебя что сюда притащило? — спросил Ленька, разливая вино по стаканам. — Романтика? Или биографию хочешь подкрасить?

Я молчал, не зная, как ответить.

— Вот меня, например, разбитая судьба привела, — продолжал Ленька. — Жена изменила. А его — гроши, — кивнул он на приятеля. — Пашка — патриот, а ты что за птица?

— Просто жизнь понюхать хочу, — сказал я, чувствуя, что сморозил глупость.

— Это можно было сделать и в Москве.

На кровати заворочался Пашка.

— Пижоны, спать, — скомандовал он, видимо, по привычке, перевалился на другой бок и опять засвистел носом.

— Теперь уже до утра, — отметил Ленька, подавая мне стакан. — На сон грядущий.

— За приятную встречу! — поднял свой стакан Вася.

Только сейчас я заметил, что оба уже были малость под хмельком. Вино подействовало на приятеля.

лей по-разному. Вася начал насвистывать опереточное «Знаю я прелестное местечко», а Ленька с разбитой судьбой приуныл, на глазах у него заблестели слезы.

— Опять нюни распустил! — встряхнул его за плечи Вася.

В этот же вечер я узнал Ленькину историю с изменой, которая, вероятно, была известна уже половине Качканара. Рассказывая, он то вспыхивал от злобы, то угасал и переходил на лирический тон. Маленькие черные усики смешно топорщились, подпрыгивая на губе, когда он начинал весь дрожать от негодования.

«Хлюпик!» — решил я, засыпая.

Поднял меня звон будильника. Пашка уже был на ногах. «Пижоны» ворочались в постели, протирая глаза.

— Корейку слопали, — беззлобно ворчал он с набитым ртом, стаскивая с ребят одеяла.

На работу мы с Пашкой вышли вместе, но мне надо было еще отнести направление прорабу, и я задержался в конторе. Поднимаюсь на гору к корпусам. Меня обгоняют самосвалы. Один из них притормаживает, из кабины высовывается Ленька с пижонскими усиками.

— Эй, москвич, — машет он мне рукой, — садись подброшу.

В просторной кабине «КРАЗа» Ленька кажется мне еще более щуплым и маленьким. Перед ним на ветровом стекле болтается на резинке плюшевая обезьянка. Вся кабина оклеена цветными обложками журналов. Со всех сторон Леньке улыбаются розовощекие спортсменки, молодые артистки, золотокудрые кукурузоводы...

— Терпеть не могу одиночества, — объясняет мне Ленька.

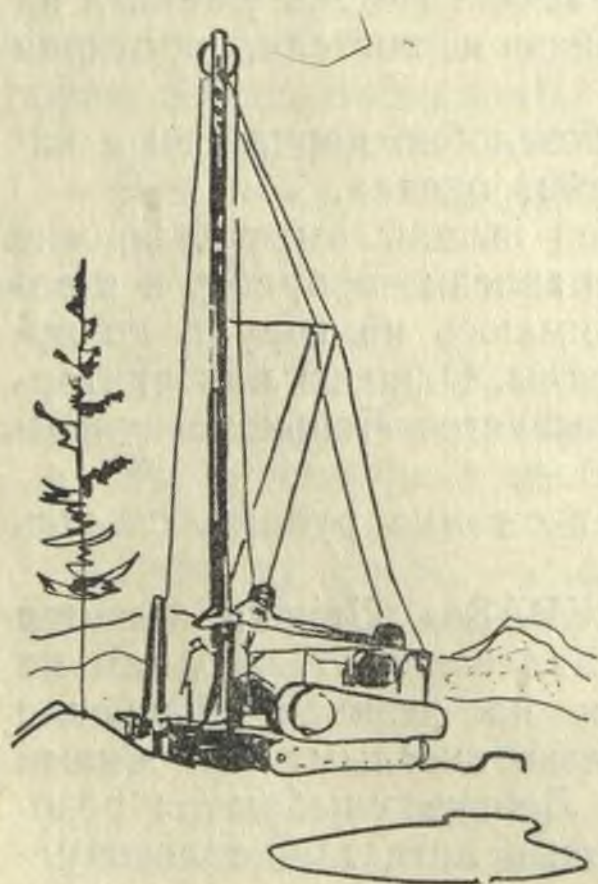
Спускаемся в котлован, пристроившись в хвост длинной очереди машин. Навстречу нам уже идут груженные камнем самосвалы. В кабине огромного «МАЗа» вижу сосредоточенное лицо Пашки.

Меня назначили помощником машиниста на станок канатно-ударного бурения. Спрашиваю у мастера, где моя машина.

— А вон она на третьем горизонте шарашится! — показывает он мне рукой.

Станок канатно-ударного бурения, или как мы его зовем сокращенно «КУБ», издали напоминает яхту со спущенным парусом. Мачты — железные рамы, по которым ходит трос, поднимающий штангу. «КУБ» смонтирован на гусеничном ходу и, когда он перебирается, закончив скважину, на другое место, кажется неуклюжим и неповоротливым. «Действительно шарашится», — усмехнувшись, подумал я.

Мой машинист оказался человеком уже пожилым, степенным. Первым делом он прочитал мне инструкцию по уходу за станком и непреми-

нул напомнить, что уже два с лишним года работает без капитального ремонта.

— Глянь, как хлопчик робит.

На дне котлована урчал четырехкубовый экскаватор. Клешня его, почти не останавливаясь, плавно описывала полукруг. Ни одного лишнего движения, будто это рука человека. Машины шли одна за другой, но вот выдалась короткая передышка. Железная клешня подскребла к себе камни и наткнулась на огромную глыбу. Ощупала ее зубьями со всех сторон, тихонько перевернула на бок, нашла, за что уцепиться, и ловко отбросила прочь.

Когда мы пошли обедать, я увидел Васю, спускающегося из кабины этого экскаватора.

Со смены мы возвращались вместе с Пашкой.

— Ох, и жрать хочу, страсть, — пожаловался он. — Без обеда сегодня вкалывал — грунт хороший шел, на плотину возили. В кабине батон проглотил, только и всего...

В столовой он заказал первое, два вторых и десять стаканов молока.

— Пивца бы холодненького хватануть, — отодвигая Пашкино молоко, сказал Ленька, присаживаясь за наш столик.

Пашка прыснул:

— А вы в Москву опять махните!

— Ты бы что-нибудь новенькое придумал, — досадливо отмахнулся от него Ленька.

Сделав заказ, он пошел в буфет утолять жажду томатным соком, а Пашка, не спеша опоражнивая стаканы, рассказал мне историю с московским пивом.

Получили приятели зарплату и премиальные за квартал. Суббота. Жаркий день. Решили выпить пива,

поехали в Нижнюю Туру. А там какое-то гуляние на воскресенье готовилось, все пиво закупили. Не возвращаться же домой с пересохшим горлом? Покатили в Свердловск. И там неудача. Поздно, все пиво в ресторане выпито.

— Вы, ребята, валяйте в аэропорт, — посоветовал им швейцар, — там оно никогда не выводится.

Поехали в аэропорт, но неудача в этот день следовала за ними по пятам. На дверях ресторана висела большая картонка — «Пива нет!» В это время из динамика раздался голос диктора:

— Есть свободные места на самолет ТУ-104, следующий рейсом 0—19 на Москву.

И через два часа приятели уже наслаждались пивом в ресторане аэропорта «Внуково», пробуя разные марки. А потом две недели до получки объедали Пашку.

Я с высоты своего третьего горизонта вижу все, что происходит в котловане. Пашкин «МАЗ» каждый день одним из первых подруливает к экскаватору. На обед Пашка отлучается тоже ненадолго. Вася большой виртуоз. В его смену шоферы всегда вывозят больше грунта. А вот Ленка работает по настроению. Если утром вспомнит про жену или во сне ее увидит, весь день работает через пень колоду.

Однажды мы пошли с ним в кино, и он выложил мне все, что наболело у него на душе. Много мне уже было известно, но сейчас он рассказывал со всеми подробностями, видимо ожидая от меня совета, и еще больше переживал, чем в первый раз.

— Ты понимаешь, любил я ее здорово, — говорил он, волнуясь, — да и сейчас забыть не могу. Но этот случай всю жизнь мне исковеркал. Не могу простить...

Приезжаю из рейса, подарков ей разных накупил, а один дружок мой встречает в автобазе и спрашивает:

— Ты своей жене веришь?

Я думал, это шутка, может, анекдот какой-нибудь хочет рассказать. Отвечаю ему:

— Если бы не верил, значит, не жил бы с ней.

— А ты знаешь, она мне сегодня свидание назначила. Приходи, говорит, в девять часов вот в эту рощу.

— Врешь?

Я его за грудки.

— Хочешь убедиться? Скажи ей, что ночью опять в рейс уезжаешь,— говорит он.— А к девяти часам вот сюда к этим березам подходи.

Я так и сделал. Прихожу домой, а во мне все кипит, места себе не нахожу. Говорю: вот жизнь шоферская, только приехал, опять за баранку садись. Мол, собери поужинать скорее, уезжаю.

Она покормила меня, разделась и легла в постель. Говорит, что-то не здоровится. А у меня руки чешутся, так и хочется по щеке ей смазать. Положила она мокрое полотенце на голову и интересуется:

— А поездку не отменяют?

— Да вот уж путевой лист в кармане,— хлопаю себя по груди.

Попрощался я и ушел. И, знаешь, брожу по роще, как чумной, ничего не вижу, лбом чуть не все деревья пересчитал... В девять подхожу к тем березам — она стоит...

Мне хотелось утешить Леньку, но ничего не приходило на ум кроме общих фраз: «Не горюй, мало ли девушек хороших на свете. Еще полюбишь...»

После получки Ленька с Васей притащили из магазина радиолу «Латвия».

— Жить надо дерзко и красиво!— объявил Ленька, ставя долгоиграющую пластинку.

Музыка теперь в нашей комнате гремит до поздней ночи. Особенно нравится приятелям песенка «Глобус крутится, вертится», которую они могут слушать несколько раз подряд.

Приходят с работы и спрашивают один у другого:

— Споем?

— Споем!

И «поют» часов до двух ночи. Пашке и горя мало — он может спать, по его собственному выражению, «хоть при землетрясении», а вот мне достается.

— Ничего, потерпи еще денька три-четыре,— утешил он как-то меня,— скоро они свой граммофон продавать донесут.

Пашка, как в воду, глядел.

Мне надо было заступать в ночную смену, и я перед работой лег поспать. Разбудили меня голоса.

— Люкс! Приемничек — первый класс,— нахваливал кому-то свой «граммофон» Ленька.

— Как включишь — на всю Качканарскую будет орать,— поддакивал Васька.

Я открыл глаза. Радиолу осматривал незнакомый мужчина, вращая регулятор громкости.

«Покупателя привели!»— догадался я и, вспомнив Пашкины слова, еле удержался от хохота.

Пашки дома не было. «Куда же это он зачастил?— думал я, собираясь на смену.— Третий вечер где-то пропадает».

Мы столкнулись с ним в коридоре.

— Купи мне завтра два билета на семь часов,— попросил он меня.— Только не забудь. Ладно?

И я понял, в чем дело.

В воскресенье мы пошли на стадион. Сборная Качканара играла с командой Нижней Туры. У киоска тянул из бутылки воду, запрокинув голову, рыжий парень в клетчатой рубашке с засученными по локоть рукавами. Ленька поздоровался с ним.

— Привет! — небрежно бросил тот, оторвавшись на секунду от бутылки.

— Ох, и водитель классный, — восторженно начал рассказывать о нем Ленька, когда мы отошли и присели на траву возле ворот. — Орешкин. С Юркой Банниковым с Тагила приехал. Носятся, как ракеты.

— Вчера я с ним весь день ездил, — вставил Пашка. — Работают на износ. Обгоняют — камни во все стороны летят, пни сшибают... Гробят машины.

Началась игра, и Вася перевел разговор на другую тему — начал расспрашивать соседей о туринских футболистах.

После первого тайма я пошел с Пашкой за пирожками и купил газету. Стал их заворачивать, а с газеты Пашка смотрит.

— Ты! — толкнул я его под бок.

Фотокорреспондент запечатлел Пашку поднимающимся по ступенькам «МАЗа» с вымпелом в руках. Лицо серьезное, губы плотно сжаты, густые мохнатые брови, сросшиеся на переносье, чуть нахмурены, будто он не вымпел, а нахлобучку получил.

За машиной повисла раскрытая пасть огромного ковша.

Начинался очерк с того, как приехал Пашка на Качканар.

«... — Нет машин, — сказали ему в автобазе, — вчера демобилизованные танкисты приехали, двое тоже в безлошадниках ходят.

Павлу Сычеву предстояло разделить их судьбу. Но не такой он человек, чтобы вешать голову. Обнаружил в боксе разбитую машину и решил: «Я ее поставлю на ноги, она еще у меня побеждает».

И через месяц приехал в карьер на «ЗИЛе», отремонтированным своими умелыми руками...»

Я прочитал очерк ребятам.

— Расписали!— добродушно ворчал Пашка. Взял у меня газету и спрятал в карман.

— А это нечестно,— с деланной обидой заметил Ленька.— Чего же ты корреспонденту не рассказал, как мы тебя целый месяц подкармливали?

Пашка засмеялся.

— Да вы уже с лихвой свое вернули, каждый день в моей тумбочке пасетесь.

Ребята мне рассказали много забавных случаев из Пашкиной жизни. Стала уборщица в кладовой мыть полы, все чемоданы переставила, а Пашкин с места сдвинуть не может. Позвала хозяйина. На глазах изумленной старушки он вынул из чемодана двухпудовую гирию, увесистую связку ключей, динамку и еще какие-то детали.

— Да ты что, с одним железом приехал!— всплеснула она руками.

— Знал бы, так побольше еще прихватил,— сказал Пашка.

Для восстановления «ЗИЛа» ему пришлось доставать детали всякими правдами и неправдами — выменивать, покупать, выклянчивать. Всю месячную зарплату на это ухлопал...

Матч закончился победой нашей команды. Когда мы пошли домой, нам опять попался этот рыжий парень, и Ленька с Васей остановились с ним. Мы не

стали их дожидаться — Пашка уже давно меня сагитировал сходить на рыбалку.

Домой мы возвратились поздно. Ребята сидели за столом. Оба были под градусами. Ленька опять слезливо ныл, вспоминая свою неверную жену.

— Где это вы набрались? — спросил Пашка.

— Да вот Ленька корешка себе подцепил, — с оттенком неприязни бросил Вася. — Корчит из себя чего-то, выламывается...

— Что ты на него взъелся? — прервал друга Ленька. — Классный парняга, отчаянный. Летит на машине по тайге, аж деревья стонут! Люблю таких.... Больше газу — меньше ям!

— Все работа слесарям! — в тон ему вставил Пашка.

— Да брось ты! — отмахнулся Ленька. — Скоро он вам всем очки вставит. Видел картину «Адские водители»? Еще похлеще носится.

Вскоре после этого разговора я понял, почему не понравился Васе Орешкин.

Ночью хлестал проливной дождь. На промбазе размыло дорогу, по которой возят бетон на корпуса. В котлован приехал начальник эксплуатации автобазы.

— Орешкин, Банников, — начал он называть фамилии первых попавшихся на глаза шоферов, — будете возить гравий на дорогу.

Орешкин открыл дверцу кабины.

— А где он, этот гравий? — лениво осведомился он.

— Да там, в тупичке, — начальник махнул рукой в сторону промбазы, — метров триста от дороги.

— Ге, ге, — презрительно скривился Орешкин. — А что я там заработаю? На газировку? Нет, начальник, так дело не пойдет...

Захлопнулась кабина, и Орешкин круто повернул самосвал к плотине.

А Банников даже не счел нужным остановиться, сообразив, в чем дело.

«Ну и рвачи!» — подумал я.

— Им бы только деньгу заколотить! — сказал Вася, узнав об этой выходке «дьявольских водителей». — А на стройку им наплевать. Я этого Орешкина сразу раскусил!

Я давно уже присматриваюсь к Васе. Что связывает его с Ленькой? Почему они стали такими закадычными друзьями? Не потому, конечно, что спят рядом и живут в одной комнате.

Ленька любит порисоваться, блеснуть своей беспечностью. Когда у него есть деньги в кармане, то он только и думает о том, как бы их извести. Будет угощать каждого встречного и поперечного, накупит таких вещей, которые ему никогда не понадобятся и потом с легким сердцем раздарит их девочкам, приятелям. Случись у кого-нибудь беда, он душу наизнанку вывернет, чтобы помочь. У него нет врагов, только друзья. «Ленька — свой в доску!» — говорят о нем многочисленные приятели.

И у Васи есть такая струнка в характере, может быть, только не так ярко она выражена. Но, в противоположность беспечному Леньке, у которого еще не выветрилось детство, Вася человек более серьезный. Ленька вот уже три года ходит в шоферах третьего класса и вполне этим доволен, а Вася сумел получить за это время еще три специальности. У него неумная страсть к машинам. «Как увижу новую машину, у меня аж руки чешутся — так и тянет ее всю прощупать», — говорит он.

Но машины надоедают ему, как ребенку новая игрушка. В трудовой книжке у него уже ни одной странички свободной не осталось.

— Вот это попрыгунчик!— поразились в отделе кадров, когда он приехал в Качканар.

— Я не попрыгунчик, а честный труженик,— оскорбился Вася.— Технику осваиваю.

И вывалил на стол начальника отдела кадров десять удостоверений: шофер первого класса, бульдозерист, экскаваторщик, компрессорщик, машинист башенного крана, дизелист, автокрановщик... И все это в одном лице. И все это в двадцать четыре года.

Может быть, не поверили Васе в отделе кадров, а может быть, в то время и в самом деле не было особой нужды в механизаторах, но на работу его не приняли. Человек приехал сам, без направления, а тут по путевкам большую группу устраивали.

— Никто не нужен?— расстроенный таким приемом взял он со стола книжечки удостоверений и рассовал по карманам.

— Пока никто,— равнодушно ответил начальник.

— Подожду.

Вася до вечера прослонялся по поселку, а ночевал в шалаше на берегу реки с рыбаками. Потом, познакомившись с Ленкой, перебрался в общежитие. Спали они на одной кровати «валетом».

Начальник отдела кадров однажды возвращался домой поздно ночью после затянувшегося совещания. Увидел Васю, разгуливающего у котлована корпуса среднего дробления, и удивился:

— Ты чего здесь делаешь?

— Дороги изучаю. Мне же все равно придется по ним ездить.

— Ну ладно, приходи завтра пораньше, что-нибудь придумаем.

И посадили Васю на новенький «МАЗ». А через два месяца Вася уже перебрался на восьмикубовый экскаватор. Увидел, как его монтировали на сборочной площадке, и загорелся.

А сейчас над Васиной кроватью висит схема устройства тепловоза. Он ходит в учебный комбинат на курсы.

Вечерами мы с Ленкой часто остаемся вдвоем. Вася изучает тепловоз, Пашка пропадает неизвестно где.

Мы почти не разговариваем. Ленка засел за романы. Теперь уже я не слышу про его неверную жену. Часами сидит он на кровати, поджав под себя ноги, и шелестит страницами.

— Вот это любовь!— восторженно восклицает он иногда и, оторвавшись от книжки, долго, мечтательно смотрит перед собой.

Я молчу, занятый своим делом.

Через некоторое время он опять обращается ко мне, стараясь втянуть в разговор:

— Вот в книжках-то, видишь, как пишут?

И читает мне захлеб одну страницу за другой.

— Красиво получается... А в жизни все не так! Вот Пашка втюрился... Даже колбаса зацвела.

Пашкину любовь я не видел ни разу. Часто мы работаем в разные смены, и не приходится нам встречаться. И, если бы не случай, я бы, может быть, еще долго с ней не познакомился.

Два самосвала, загрузившись камнем, отошли от экскаватора и развернулись поперек дороги, загородив проезд. Машины встали. Экскаватор застыл на

месте с полным ковшом. Шоферы столпились возле самосвалов, закрывших путь.

«Что-то случилось», — подумал я и спустился с горизонта в котлован.

Вася, опустив ковш на землю, вылез из экскаватора.

— Орешкин бузит! — на ходу бросил он мне, направляясь к машинам.

На подъеме из котлована у столкнувшихся нос к носу самосвалов тесным полукругом сбились водители вокруг Орешкина.

— На нашем горбу экономить вздумали! — возмущенно ораторствовал он, жестикулируя. — Ордена хотят заработать. А мы, работяги, за них отдувайся!

— Нас не проведешь! — поддакивал ему Банников. — Не первый год баранку крутим. В Тагиле на таком же грунте по три бумаги выгоняли, а тут...

— Правильно Юрка кроет, — пробираясь вперед, крикнул Ленька. — Мантулишь, мантулишь, а получать нечего! Обираловка!

— Никуда не поедет, пока по десятке наряд не закроют! — все больше распалялся Орешкин, чувствуя поддержку.

— Глуши моторы! — заскочив на ступеньку кабины МАЗа, взмахнул кепкой Ленька.

— Мастера сюда! Мастера!

— Мы ему сейчас мозги вправим! — взбудоражились приятели Орешкина.

Вася подскочил к Леньке и сдернул его со ступеньки.

— Ты что тут горлопанишь? — залепил он ему по щеке. — Сопляк! С рвачами связался!

— Что ты сказал?— подлетел к нему Банников и сгреб за грудки.— Это мы — рвачи? Мы свою собственную копейку требуем!

— Сколько ты за прошлый месяц заработал?— с ехидцей спросил Орешкин.— Ну, и заткнись!

Оттирая плечом ребят, к ним пробился Пашка, только что подъехавший с отвала.

— А, ну, отцепись!— толкнул он в грудь Банникова.— Чьи машины? Почему дорогу загородили? Отгоняй!

Никто не двинулся с места. Пашка схватился за поручни и полез в кабину. Банников с откоса кошкой прыгнул ему на плечи, и они покатались под колесо. Пашка сумел вывернуться, сбросил его и встал на ноги, но в это время на него налетел Орешкин и замахнулся камнем. Все это произошло настолько быстро, что никто не успел вмешаться. И вдруг как из-под земли между Орешкиным и Пашкой вынырнула учетчица Зина Нестерова.

— Не тронь!— вырвала она камень.

Опомнившись, мы кинулись на помощь, оттащили Орешкина и Банникова в сторону. Зина испуганно вздрагивала, прижавшись к Пашке.

— Что ты, Зинуха, успокойся,— гладил он ее по плечу.

Прибежал мастер и, узнав в чем дело, не допустил Орешкина с Банниковым к машинам.

— Вечером разберемся,— сказал он им.

Профсоюзное собрание постановило выселить рвачей из Качканара за двадцать четыре часа. Ленка тоже чуть было не угодил вместе с ними.

Зина стала своим человеком в нашей комнате. Теперь мы уже не бросали куда попало спецовку,

летом на столе у нас всегда стояли цветы в банках из-под томатного сока, а зимой — мохнатые ветки кедра.

— Слушай, Вася, — сказал как-то Ленька своему другу, — зря мы радиолу продали. Подарили бы Пашке на свадьбу.

— Пока Пашка соберется жениться, мы ему не то что радиолу, пианино можем купить, — засмеялся Вася.

Но все произошло значительно раньше, чем мы предполагали. Приходит Пашка со смены и объявляет:

— Ордер на квартиру получил!

море в горах

— Первую благодарность нам объявили утки, — шутят гидростроители. — Послушали бы вы, как весело крякали они сегодня на заре! А в знак приветствия дали два круга над плотинной.

Шутить в трудную минуту могут только люди, твердо уверенные в своих силах. У гидростроителей началась последняя схватка с природой. Каменная грудь плотины приняла первый натиск воды. Заплескалось Качканарское море...

Каждую секунду прибывает десять кубометров воды. За сутки уровень ее поднимается на полметра. И перемычка, закрывшая русло горной реки Выи, вырастает примерно на столько же. Разрыв всего лишь каких-нибудь полтора метра. Вода наступает строителям на пятки.

А весна есть весна... Сегодня — снег, завтра — дождь. Послезавтра пригреет солнце, с гор хлынут бурные потоки, река вспухнет, запенится, и уже не десять кубометров в секунду принесет она в море, а все двадцать... Вода хлынет через перемычку и размоет плотину.

Плотина сейчас — самый ответственный участок стройки.

Вся лучшая техника брошена на плотину.

Первым вопросом на каждой «оперативке» стоит вопрос о плотине.

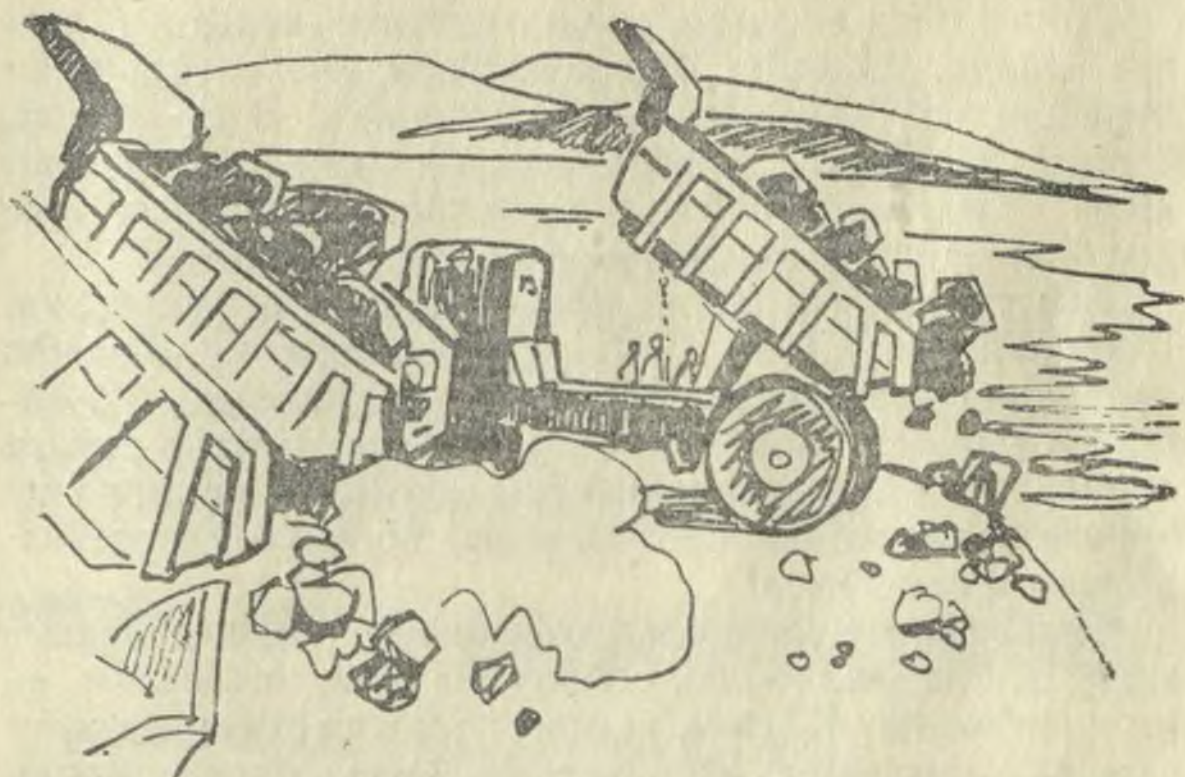
После заседания весь партийный комитет стройки выезжает на плотину.

Там круглосуточно дежурит комсомольский штаб. ...Каменная гряда, как скоба, сомкнула две горы. В середине она прогнулась. Эта проран — место, где сойдутся два крыла плотины. Его надо забить камнем и глиной.

Дрожит земля под колесами машин. Как вагоны, почти впритык один к другому, ползут «четвертаки» — двадцатипятитонные самосвалы. Секунда — и огромное железное корыто взметнулось над кабиной. Ухнула земля. Разворачивается вторая машина, третья... Гора земли. Макушка ее дрогнула, покачнулась и поползла вниз. Протаранив гору, мощный бульдозер быстро разбросал ее по сторонам. И вот уже на этом месте возникает новая гора...

Над плотиной плывет густой многоголосый машинный гул. Люди объясняются только сигналами и жестами.

Маленькая девчонка в испачканном глиной ватнике склонилась над водой с полосатой рейкой. Из кабины грохочущего «МАЗа» высунулся широколицый

детина в синем берете. Он что-то спрашивает у нее, но голос тонет в грохоте машин. Девчонка поднимает рейку и показывает ему на деление:

— Поджимает!

Первые струйки воды лижут верхние камни перемычки. Парень круто разворачивает свой «МАЗ» и стремительно вылетает на гору.

А природа будто в отместку этим упрямым парням и девушкам, посягнувшим на ее вековые устои, выкидывает то одну, то другую каверзу. Ветер свищет как в аэродинамической трубе, продувая стиснутую горами долину насквозь. На море плещутся волны. То посыплет крупа, то заморосит дождь... Стремительно пролетают над головами рваные серые тучи.

Дни и ночи не умолкает на плотине железный грохот машин. Шоферы, бульдозеристы, экскаваторщики перешли «на казарменное положение». В тепляках, тесовых избушках выстроились тесными рядами кровати. Машина с надписью «техпомощь» на кузове доставляет сюда из столовой обеды и ужины.

Вот уже целый месяц продолжается штурм реки. Широкая каменная гряда выравнивается, навечно преградив путь воде. Все шире разливается Качканарское море... Море, из которого будет «пить» гигант горнорудной промышленности, суточный рацион которого более миллиона тонн воды. Восемьсот железнодорожных составов!

И вот наступает долгожданная, торжественная минута. Переваливаясь с боку на бок, вылезают на гору работяги «МАЗы», устало положив хобот на кучу камней, замирают экскаваторы, как будто желая еще раз убедиться, не осталось ли где каких орехов, пятится с плотины бульдозер и пристраивается в шеренгу машин, развернутых к морю широким фронтом.

— Петька! — крикнул бульдозерист шоферу крайней машины, собираясь попросить закурить.

Крикнул и изумленно замер, пораженный необычной чуткой тишиной. Слышно было даже, как трутся друг о дружку бревна, прибитые к берегу волной.

Из Качканара все прибывали и прибывали на плотину люди. Всем хотелось поглядеть на море, заплескавшееся в горах. На свое море.

Грянула музыка. Подъемный кран подхватил белый катер и бережно опустил на воду. На носу его заколыхался морской вымпел. Год тому назад вымпел обдували соленые ветры Балтики. В Качканар его

привезли демобилизованные матросы и бережно хранили, дожидаясь этого радостного дня.

Парни в матросских бушлатах и бескозырках заняли места у штурвалов. Заурчали моторы, и катера, развернувшись, стремительно понеслись вдоль плотины, совершая круг почета.

— Ура-а-а!—летело им вслед.

Вспугнутая шумом моторов, вспорхнула стая уток.

— Утки! Утки!—раздалось на плотине.

— Скоро и чайки к нам прилетят!—весело воскликнул кто-то из ребят.

Какое же море без чаек...

ПЯТАЯ ВЕСНА

На Качканар пришла пятая весна.

Володя Михайлов и Коля Титовец стягивают толстой проволокой брусья большого деревянного желоба. Это — опалубка для бетона.

— Слушай, Колька,—кладет ломик Володя,—а ведь вот эта проволока века проживет. Представляешь? Века!

— Да-а,—ошеломленно тянет Коля.

— Нас с тобой и в помине не будет,—глубокомысленно продолжает Володя, покачивая на ладони

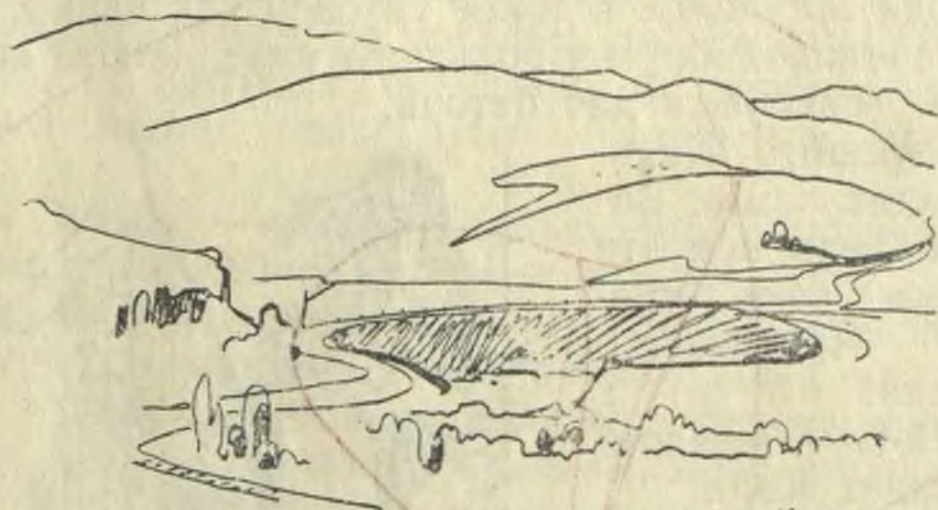

связку,— а она будет жить. Тысячи лет пролежит в бетоне...

— Как это «в помине не будет»? — подлетает к ним бригадир Николай Черных. — А кто такую громадину поставил? Кто?

Все задумчиво смотрят на железные ребра корпуса, протянувшегося чуть ли не на километр. Над головами у ребят на высоте пятнадцатипятиэтажного дома работают сварщики, роняя на землю золотые монетки расплавленного железа, покачивается на хоботе крана огромная ферма, многотонные белые плиты перекрытия кажутся легкими досочками, положенными впри-
тык одна к другой...

— Нет, не забудут нас, ребята, — заключает веско бригадир. — Нельзя забыть.

мостовая, ур. Канонер

10679
г/у

Мостовая

СОДЕРЖАНИЕ

Федор Селянин. Сокровища Качканар-горы	8
Владимир Щелконогов. Так рождалась легенда	15
Дорога на Качканар. Из дневника Саши Богданова	27
Степан Копылов. Первый гудок	31
Николай Мережников. Александру Ромашкину	40
Николай Алеев. Я кладу бетон	41
Речь механика Михаила Пильщикова при взятии социали- стических обязательств	59
Из качканарской почты	62
Евгений Спехов. Мишка	66
Евгений Борисюк. В пути	75
Николай Алеев, Степан Копылов. Два письма	76
Николай Мережников. Да будет свет!	87
Евгений Спехов. Сердце осталось там	95
Василий Михайлов. Люди огня и грома	106
Игорь Попов. Почему ты на пять минут опоздал? 2	115
Николай Алеев, Степан Копылов. Снова в строю. Ребята из одной комнаты. Море в горах. Пятая весна	116

На вклейках помещены пейзажные зарисовки художницы Л. Полстоваловой, а также портреты строителей Качканара.

На вклейке 1 (стр. 40—41) — В. Ердяков, инженер; В. Нелогова, маляр СУ-5; Ф. Каргаев, секретарь комсомольской организации автобазы; Н. Бернадских, маляр СУ-5.

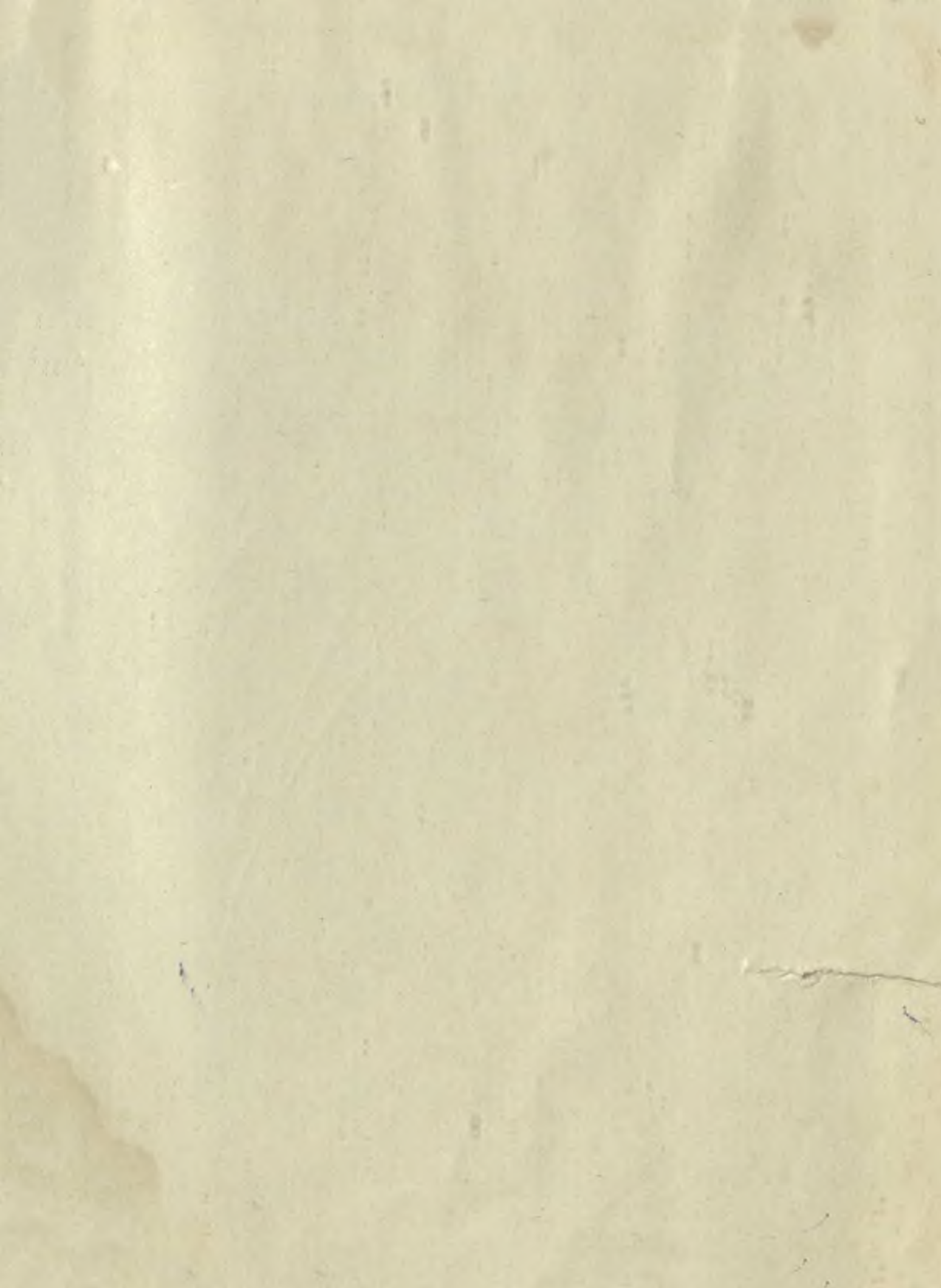
На вклейке 2 (стр. 104—105) — А. Богданов, бригадир пути «Уралспецстроя»; Ю. Сапрыкин, начальник автоколонны; Л. Бажова, секретарь комсомольской организации СУ-5; Л. Ердякова, строитель.

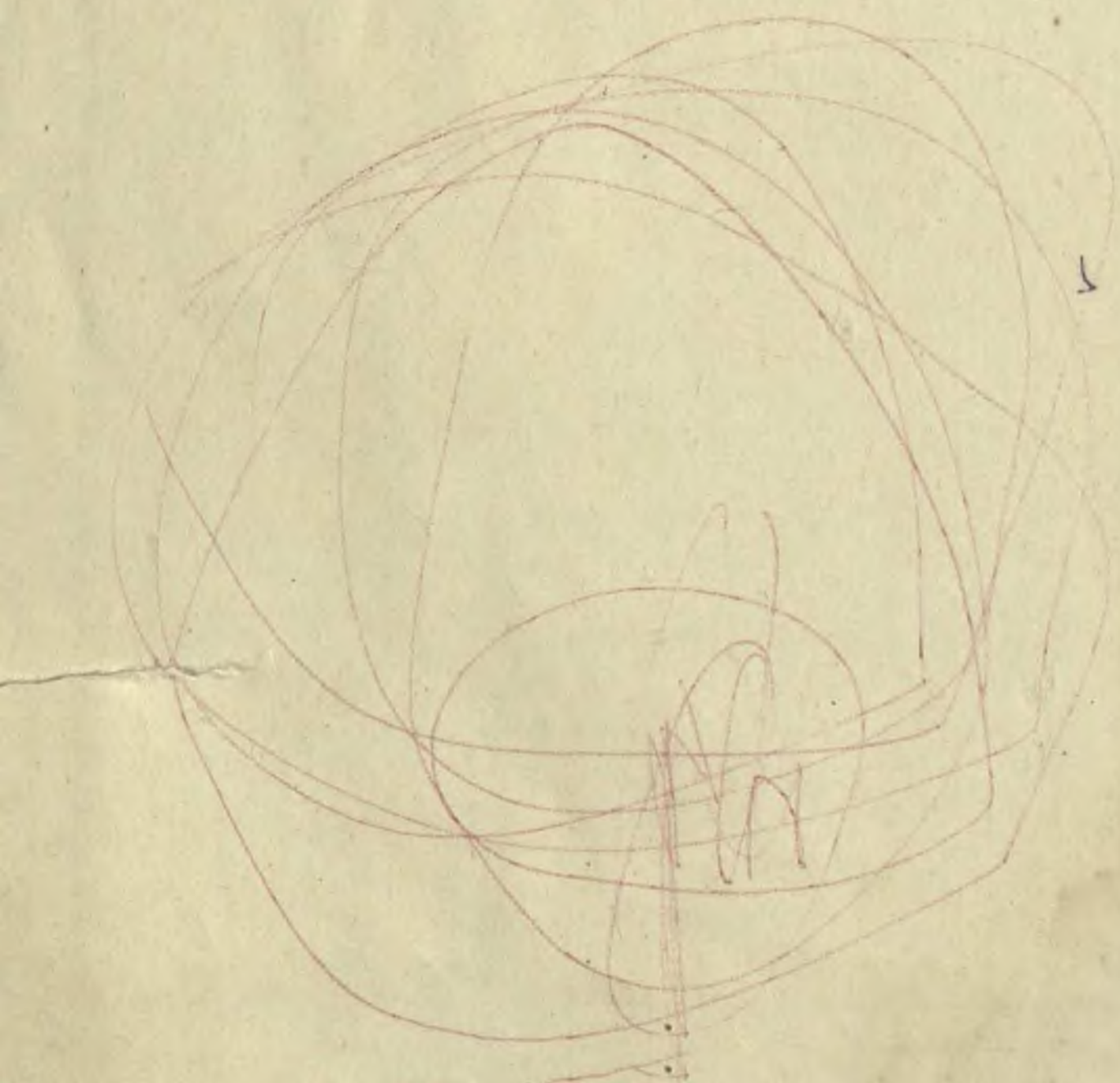
Редактор В. Артюшина Художник Л. Полстовалова
Художественно-технический редактор Ю. Сакнынь
Корректоры В. Бурангулова и А. Курленко

Подписано к печати 18/V 1963 г. Уч.-изд. л. 5,9
Бумага $70 \times 108 \frac{1}{32} = 2,31$ бумажного — 6,36 печат-
ного листа + 4 вклейки

НС 18095. Тираж 15 000. Заказ 940. Цена 26 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.

26 коп

ЗЕЛЕНОВСКИЙ Е. И. ИЖНОЕ И ДА ЕЛЬ ТВО